

Игорь ТЮЛЕНЕВ

На просторе великом стою

Игорь ТЮЛЕНЕВ

НА ПРОСТОРЕ
ВЕЛИКОМ СТОЮ

сборник
избранных
стихотворений

Пермь
Пермский писатель
2012

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Т 98

Подготовка электронной версии сборника
осуществлена при поддержке Министерства культуры,
молодёжной политики и массовых коммуникаций
Пермского края в рамках проекта
«Пермская библиотека».

Сборник размещён
на информационном портале
о культуре Пермского края
<http://www.kulturaperm.ru>.

Тюленев И. Н.

Т 98 На просторе великом стою: Сборник избранных
стихотворений. – Пермь: Пермский писатель, 2012. –
337 с.

© И. Н. Тюленев, 2012

© Пермская краевая общественная
организация «Пермский писатель»,
Пермская краевая общественная ор-
ганизация Союза писателей России,
оформление, оригинал-макет, 2012

ТЮЛЕНЕВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 31 мая 1953 года в посёлке Ново-Ильинский Нытвенского района Молотовской области / Пермского края.

Окончил восьмилетнюю школу (1968), Пермский строительный техникум / колледж (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького в семинаре известного русского поэта Юрия Кузнецова (1991).

Живёт и работает в городе Пермь.

Первая книга стихов – «Братина» – вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1983 году тиражом 15 тысяч экземпляров.

В 1989 году по рекомендации поэтов Алексея Решетова, Виктора Болотова и Николая Домовитова был принят в Союз писателей России.

Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.

Является автором семнадцати сборников стихов и более сотни публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах.

География публикаций обширна: Санкт-Петербург и Омск, Калуга и Воронеж, Екатеринбург и Самара...

Поэтические подборки И. Н. Тюленева есть в региональных журналах Алтая, Башкирстана, Казахстана, Карелии, Ставропольского края, Татарстана, Удмуртии, Якутии...

Стихи Игоря Тюленева публиковались Международной организацией поэтов в журнале «LE JOURNAL DES POETES» в Бельгии, также – в Болгарии, Канаде, Польше, Франции.

Книги стихов Игоря Тюленева выходили в московских и пермских издательствах в таких популярных сериях как «Писатель и эпоха. XX век», «Поэты России. XXI век», «Библиотека лирической поэзии «Золотой жираф», «Библиотека популярной карманной энциклопедии Пермского края».

Один из сборников стихов И. Н. Тюленева – «Лирика» – вышел во Франции в издательстве «MARCHAL».

Книги поэта выставлялись на Московской международной книжной ярмарке (2004, 2005), на 25-м Парижском Книжном Салоне во Франции, на XIII Международной книжной ярмарке в Пекине, на Международных книжных ярмарках в Женеве и Дели.

Творчество поэта Игоря Тюленева представлено в антологии русской критики «Российские дали». Том 4 (2007), в альманахах «Академия поэзии 2007», «Академия поэзии 2008», «Академия поэзии 2009», вышедших в Москве в издательстве «Московский писатель», в альманахах «ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 2006» и «ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 2007», во всеобщей энциклопедической антологии «Душа России. Пятнадцать веков русской поэзии», в сборнике «Группа 17. Русские писатели-реалисты начала XXI века», в антологиях «Русская поэзия. XX век» и «Русская поэзия. XXI век». Также стихи И. Н. Тюленева вошли в учебные пособия для школьников и студентов вузов: «История русской литературы. 90е годы XX века», хрестоматию «Современная русская литература 1991–2004 гг.», хрестоматию по литературному краеведению «Родное Прикамье».

Произведения поэта находят живой отклик в душах своих читателей и отмечаются литературной общественностью. О творчестве поэта писали известные российские критики и литераторы: В. Курбатов, М. Лобанов, Ю. Кузнецов, В. Бондаренко, В. Сорокин, Н. Дмитриев, Л. Котюков, В. Ерёменко, С. Небольсин, которые отмечали присущую поэту «священную глубину отечественной истории, родовой памяти». Уверенность голоса, свой ритм, свой размер, свои точные слова, «вечную, священную глубину-высь, поющую в

его сердце» – таковы критические отзывы на произведения Тюленева.

Многие сборники стихов и поэтические публикации Игоря Тюленева признаны лучшими и отмечены литературными премиями и победами во всесоюзных поэтических конкурсах.

За книгу стихов «В родительском доме» поэт стал лауреатом Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского (золотая медаль). За книгу стихов «На русской стороне» – лауреатом премии Пермской области в сфере культуры и искусства. За книгу «Люби нас, мать сыра земля» – лауреатом литературной премии Республики Башкортостан имени Фатиха Карима (номинация «Русская литература»). Книга «Засекреченный рай» получила Грант администрации города Перми как общественно-значимый проект в сфере культуры и искусства.

За наиболее яркое воплощение русской литературной традиции в книгах последних лет поэту была присуждена премия Союза писателей России «Традиция».

Игорь Тюленев в числе ста известных поэтов России вошёл в мультимедийный проект доктора филологических наук В. Абашева «Атлас российской поэзии».

Данный поэтический сборник составлен из избранных стихотворений, написанных более чем за тридцатилетний творческий стаж поэта.

О ПОЭТЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

«Не раз современную поэзию упрекали за отсутствие государственного, державного мышления...

Мне нравится, что Игорь Тюленев ставит перед собой большие цели, думает о главном. Стремление к большой цели, по словам Чехова, рождает пусть небольшое, но настоящее. Это настоящее у поэта есть: оно проявилось в превосходных по степени искренности и «скрытой теплоты патриотизма» стихах.

У Игоря Тюленева есть ощущение находящейся за его плечами области (в пространственном и духовном значении), полномочным представителем которой он является.

Отсюда уверенность голоса, крепость позиции...»

Николай Дмитриев, поэт
г. Москва

«В стихах Игоря Тюленева ветвится ствол характера и судьбы. Если его характер принадлежит ему, то его судьба неотделима от судьбы Родины...

Поэт часто стоит над глубиной. Глубина эта многослойна, за тонким слоем детства таится слой родовой памяти, а еще глубже зияет, поблескивая, толща отечественной истории, русской старины...»

Юрий Кузнецов, поэт,
лауреат Государственной премии России,
профессор Литературного института
г. Москва

«...есть у Тюленева чудная исповедная поговорка в третьем лице: «Он хочет подпевать народу, да не научится никак». И это тоже дитя родное в русской поэзии, в уральской земле, и сердце зоркое».

Валентин Курбатов, писатель
г. Псков

«Чуток Игорь Тюленев к тайным радостям в обыденном, к «растительному» в жизни, даже в разговорах людей, всё это имеет особую нравственнуюцену в наше рационалистическое, разрушительное время».

Михаил Лобанов, литературный критик,
профессор Литературного института
г. Москва

«Для меня Игорь Тюленев один из лучших поэтов конца XX века и, надеюсь, начала XXI-го.

В его стихах вся современная Россия, все её боли и радости, тревоги и надежды, красота её лесов, озёр, все нынешние передраги и заблуждения.

*И обо всем этом Игорь Тюленев пишет страстно, эмоционально и с надеждой, что тяжелые годы, выпавшие на долю России, пройдут, Отчизна их пере-
может».*

Петр Алешкин, писатель,
секретарь правления Союза писателей России
г. Москва

«Десятилетия назад замечательный русский философ Иван Ильин в статье «Когда же возродится

великая русская поэзия» сказал: «Великая русская поэзия возродится тогда, когда в русской душе запоёт её последняя глубина, которая укажет поэтам новые, глубокие темы и дарует этим темам свою форму, свой ритм, свой размер и свои точные слова... та священная глубина уже дана русскому человеку и обновлена в русской душе. Но она ещё не принята русскими людьми, русским созерцающим сердцем и поэтому ещё не запела в русской поэзии.

Однако это время близится...»

Мне думается, сбываются вещие слова мыслителя и провидца. Истинные поэты зрят эту глубину. Вечная, священная глубина-высь поёт в их сердцах.

Одно из ярких подтверждений сему – творчество Игоря Тюленева».

Лев Котюков, поэт,
секретарь правления Союза писателей России
г. Москва

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

ШИРОК РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК... **(О новой книге Игоря Тюленева,** **и не только)**

Давненько впервые прочитала я подборку стихов Игоря Тюленева и запомнила это имя. И о своём впечатлении написала в газету – кажется, это была «Литературная Россия». С тех пор не пропускала его стихов, что попадались на глаза, в нашей печати. Это не объяснить умом: просто тот или иной поэт заденет какую-то тайную струну внутри, окажется близким в чём-то важном, – вот и всё. Среди них – Игорь Тюленев. На Пленуме СП России в Курске он надписал мне книгу «Альфа и Омега на цепи», изданную красиво, солидно, с портретом на обложке. Вышла книга в издательстве «Голос-Пресс».

Игорь Тюленев – поэт уже достаточно известный, со многими званиями и премиями, изданных книг немало. Естественно, что с годами увеличивается и ответственность: громкое имя ко многому обязывает. И если бы у меня была задача наловить побольше огрехов в его стихах – проблемы бы не было, тем более что книга толстая, есть где разгуляться. Но в поэзии Игоря, да и в нём самом, есть такие качества, которые и не снились какому-нибудь насквозь литературному пииту, когда и придраться не к чему, а душа не отвечает на грамотные и рассудочные вирши, коими нынче заполнены наши издания, в том числе иногда и те, что были приверженцами настоящей, идущей от сердца, поэзии. Когда за публикацию сегодня мало кто пла-

тит, но, чтобы выжить, охотно берёт деньги от тех, кто их имеет, и даёт целые страницы отъявленного графоманства, — настоящее живое слово всё более становится редкостью и всё дороже становится уму и сердцу.

И когда попадает в руки такая книга — растягиваешь удовольствие, потому что истинную поэзию нельзя пролистать за полчаса, она становится частью твоей духовной жизни. Смею, возвращаясь к Игорю Тюленеву, выразить сомнение в удачливости имени книги: «Альфа и Омега на цепи». Заковыристое выражение для названия, призванного привлечь самый широкий круг читателя, далеко не всегда изощрённый в некоторых понятиях. Но это, как говорят, детали. За что же всё-таки любят читатели Игоря Тюленева?

Да вот за то, порой бесшабашное, порой на грани игры и озорства (смотри на парижский цикл, да и другие стихи), по-русски широкое «раззудись плечо, размахнись рука», где главное — не сами строчки, и удачные, и не очень, а вот это состояние вольности бытия, радости за своё призвание, любовь к Есенину и ко всему драгоценному для души... И такое же открытое, иногда наотмашь, неприятие многого из того, что делает из человека или узколобого исполнителя, или подобие дикаря со всеми вытекающими. Тюленев не стремится хорошо выглядеть («а чего подумают те или эти?»), он раскрывается весь — со всеми достоинствами и недостатками: вот я такой, хотите — любите, хотите — гоните.

*«...А если это дом друзей,
То лучше в мире нет лекарства,*

*Полнее, друг, стакан налей,
За русское я выпью Царство!*

*Да за великие дела,
За славу мировой Державы.
И как сказал старик Державин:
– Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить.
Ура!*

(Из стихотворения
«Хвала гранёному стакану»)

А рядом – горькие и точные строки о том, что ещё недавно слишком скоро решались судьбы многих и многого, что отзывается в народе болью и обидой; что сплошь и рядом с водой выбрасывали ребёнка те, кому уж очень хотелось взобраться быстро кверху и враз разбогатеть, а после смотреть свысока, а то и с презрением, на соплеменников.

*...Душе подай целительный настрой,
И я смотрел без тени превосходства,
Что со страной стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя сиротство.*

*Я не скажу, что повлиял запой –
Не пью, беру уроки атлетизма.
Я плакал над разрушенной страной,
Упавшей в пропасть с пика Коммунизма!*

(Из стихотворения «Советское кино»)

Игорь Тюленев хорошо знает, что делу – время, а потехе – час, что читатель должен и отдохнуть от серьёзного и грустного, и вот уже появляются стихи с

молодецкой удалью, со смешинкой, а то и озорством, но в основе своей очень добрые и близкие по духу то русской частушке, а то и Роберту Бёрнсу.

*Ты стоишь всех моих наград,
Прекрасная Маруся!
Я прыгну ночью в палисад,
В окошко постучуся.*

*Клубятся жёлтые шары
Перед окном подруги.
«Петрушка!» – скажет. – «Это ты?»
И встречу протянет руки.*

*...Ну ладно б спутала с ведром,
С луной, с шаром в окошке...
А то с дубиною Петром.
Прощай навеки, крошка.*

(Из стихотворения «Цветы»)

Но поэт снова становится и серьёзен, и по-сыновьи нежен, когда речь заходит о малой родине, с которой связано всё самое истинное, «несказанное, синее, нежное...». Не случайно Тюленева знают и любят в Перми, откуда он родом. И не случайно в его ответах на вопросы «Российского писателя» есть такие строки: «А в русской глубинке выступление поэтов собирает полные залы...

Заверяю вас, что нет читателя благодарнее, чем простой русский человек. Там нас действительно ждут.

Вся сила и мощь зреет в провинции. Мы самые крутые, мы самые талантливые, мы самые сильные. Об этом я всегда спорю с московскими поэтами и критика-

ми. Поэзия развивается не по горизонтали, а по вертикали: от земли – к небу, от души к Богу...»

Золотые слова, и вовремя сказаны! Пока ещё живы те читатели, которых на мякине не проведёшь. Но они стареют, а молодёжь принимает за стихи всё, что в рифму. Даже если в очень плохую. «И я так могу!» – решает старшеклассница или отрок, собирает свои вирши по случаю, выпускает на родительские деньги сборник – и гордо именуется поэтом! Ибо общая культура настолько упала в последние годы, что даже жалкие потуги рифмоплёта охотно принимаются за поэзию. Не отстают от них и многие пенсионеры, обнаружившие у себя уйму свободного времени и энергии, – и пекутся книги, как блины на Масленицу.

Снова Игорь Тюленев: «...только в России в профессиональных писательских союзах состоят на учёте несколько тысяч человек, пишущих стихи. А бесчисленные антологии, приюты, альманахи, коллективные сборники...». И всё это выдаётся за поэзию, подкрепляется писательскими билетами, резко снижает уровень культуры вообще и творчества в частности, вот что грустно. А поэзия – вот она:

*Шли родительской равниной,
Ты да я, да мы с тобой.
То с березкой, то с рябиной
Говорили вразнобой.*

*До столицы простиралась
Не захваченная даль,
Много здесь еще осталось
Из того, что сердцу жаль.*

(«Ты и я»)

Или:

*Ещё грибы в бору растут
И кое-где трезвонят птицы,
Но холода идут, идут,
Как вороги из-за границы.*

*Нагие, как перед судом,
Стоят берёзы перед снегом,
А нет бы, постучаться в дом,
Поговорить бы с человеком.*

(«Еще грибы в бору растут...»)

Отрадно, что в стихах Игоря Тюленева нет какой-то одной постоянной темы, когда поэт уже «пережёвывает» не раз сказанное, когда, на какой странице не откроешь книгу – одна интонация, зачастую один размер и не очень новая форма старого содержания. Когда, как выразилась давно одна землячка, от стихов пахнет потом. У Игоря в книге, как в жизни, всего хватает: и грусти, и юмора, и прямой публицистики, и – не только доброй – иронии, и всё – широко, правдиво, искренно... Поэт доверяет читателю самое сокровенное и надеется на понимание и душевную близость. И, как правило, не ошибается в этом. А потому и творческой смелости ему не занимать.

*...Поехало, пошло веселье,
Звенели рюмки и ножи,
И вилки острое движенье
Моей коснулось бороды,*

*Но траекторию закончив,
Вонзилась с радостью в пельмень,*

*Он над столом взлетел, как кочет,
Любимец русских деревень.*

*А я его сначала в уксус,
Затем в горчицу, майонез.
Потом на клык... Он сразу душу
Наружу выставил, подлец.*

*А где душа, там наша песня,
Как пламя вьется над столом.
Всего-то водка, фарш и тесто!
А словно короли живём.*

(Из стихотворения
«Ода русским пельменям»)

Другой читатель назовёт свои стихи из Тюленева, мне же хотелось показать диапазон его творчества, тот счастливый случай, когда человек и его поэзия дополняют друг друга, когда в стихах много воздуха и света, когда они не рассудочны и не вымучены, – словом, когда они действительно талантливы. Только от таких строк можно зарядиться другому творческому человеку, что и было испокон веков: великая русская поэзия показывала тот горизонт, ту духовную высь, ниже которой было не принято опускаться истинному поэту. И хотя классика навеки прописалась в наших душах, всё-таки ум и сердце хотят внимать современнику, соотносить свои пристрастия и взгляды с ним, живущим на той же земле и в то время, что и ты. Поэзия Игоря Тюленева, именно поэзия, а не рифмованные вирши – даёт такую возможность, дарит радость общения с личностью – сильной и щедрой, вобравшей в себя всю красоту и подлинность родной земли.

Владимир БОНДАРЕНКО

НАПРЯЖЁННОЕ СЛОВО

Дело в том, что Игорь Тюленев по природе своей, по плоти своей – монументалист. В нём монументально всё: тело, грива волос, зычный голос, размашистая походка, даже жена Ирина у поэта тоже монументальна. И поэтому он был изначально обречён на монументальную поэзию. Поэтому и учителем своим он осознанно выбрал Юрия Кузнецова с его богатырской, даже не Ильи Муромца, а самого Святогора – громадностью.

Как такому монументу писать нежные стихи о любви? Печалиться о заблудших душах? Как обрести тонкое сострадание ко всему живому, если и сама жизнь забросила Игоря с четырнадцати лет сразу на все четыре стороны, подальше от дома и от чужой родни: «В родительском доме не жить мне и дня, в родительском доме – чужая родня...»? Остаётся скитаться по белу свету, искать свой путь. Обретать свою волю... «Искал свою тропу, на тридцать лет отброшенный от дома. Не по Господней воле, по своей, да по советам сверстников и книжек: взял с полки хлеб, слова из словарей, а удаль с безрассудством у мальчишек. Чужая лошадь понесла меня по полю ржи, к порубанной дружине, хан половецкий отблеском огня метался, словно в клетке зверь, – в былине».

Не будь поэтом, стал бы Игорь Тюленев крутым уральским промышленником или золотодобытчиком. Так, чтобы и природа была под рукой, охота и рыбалка, и было где свою размашистость проявить, своё знание выявить. Вот и в поэзии своей у Игоря счаст-

ливо соединяются стихия и интеллект, эпичность образов и наблюдательность тонкого эстета. А отсутствие родового родительского дома дали с одной стороны обострённую память о былом, об умершей в раннем детстве матери: «голос мамы погружался в зарю и запахи полей, он, словно дождь, с землей сливался, с судьбой и Родиной моей», с другой стороны привели к осознанной имперскости, всемирности образов. Как точно подметил Юрий Кузнецов: «Поэт часто стоит над глубиной. Глубина эта многослойна: за тонким слоем детства таится слой родовой памяти, а ещё глубже зияет, поблескивая, толща отечественной истории, русской старины». Именно оттуда явился эпический образ русского мужика, который «...У Бога милости не просит, Но и своё не отдает...». Видите, какая монументальная скульптура возникает в стихах Тюленева. Но, чтобы читатель не устал от монументальности, чтобы его не раздавила глыба образа, Игорь Тюленев как приманку даёт сочную зримую земную деталь. Скажем, враги «на Родину любимую рычат. Срезаю их, как шляпки у опят...». Так с помощью слова он свою эпичность оживляет приметами быта. И наоборот, фиксируя какие-то частности быта, к примеру, жизнь в Коктебеле в писательском доме творчества, он и земную деталь устремляет в запредельные небесные вершины.

*Друг приходит и корм подаёт,
Кормом может быть просто хамса,
На втором этаже он живёт,
И обитель его высока!*

Вот эта достоверная пластическая предметность детали делает небесную Россию Игоря Тютенева знакомой и близкой нам всем. Он, как и его далёкий собрат по перу, по стилю жизни, по бесшабашности и по монументальности Максимилиан Волошин, которому Игорь иной раз подражает даже как-то невольно, перенося внешнюю схожесть на близость поэтических миров, творит всегда напряжённым словом. Нет холодной чеканки мандельштамовских образов, нет метафизической глубины раннего Пастернака, есть размашистая живая удаль, есть воля к жизни и воля к победе, есть чувственность мужской плоти, и есть словарное знание слова, делающее более объёмным любую лирическую деталь:

*Смеется целый мир нам вслед,
Земля и небеса.
Волна – стирает в море след.
А ветер – голоса.*

Так пусть же наш уральский живой монумент обретает своего российского читателя. Пусть звучит гулко и просторно его напряжённое слово!

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Так, значит, есть Небесная Россия,
На холмах облачный алмазный вертоград,
И нету тьмы – лишь голоса родные,
Словно лучи пронизывают сад.

А мне и любо: Пушкин и царевны,
А мне и славно, кто ж не будет рад,
Что нет лгунов – итоги их плачевны,
За пазухой у Бога нет наград.

И нет блудниц, тем паче – власть имущих,
Нет распрей, грабежей и воровства,
Роскошные реликтовые кущи
Оберегают русские слова.

Порой душа пугается напрасно,
Переступить бессмертия порог,
Того не зная – умирать не страшно,
Коль Господу угоден русский слог!

* * *

Случайной думой озарённый,
Погас осенний небосвод,
И белолобый дух с высот
Пробил сосновые короны.

Заговорил огонь в печи,
Перевернулся лист бумажный,
И русский вздох многоэтажный
Растаял в пламени свечи.

Ушло в чернильницу перо,
Как в толщу вод морских – торпеда,
И всё случайное смело
Потоком неземного света.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Земель этих горестный житель,
В объятия ночи и дня
Неси меня, Ангел-хранитель,
Неси меня из огня!

Минуя житейские бури
И мнимого рая сады,
Туда, где в небесной лазури,
Качаются Божьи следы.

Где в Крестное Знамя закован,
Распятый лучами креста,
Ты верой отцов очарован,
Не видишь, но слышишь Христа.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козлёнок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя блеяньем и белым
Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребенка.
Но помнит мир, как много лет назад,
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

ЦАРСКИЕ ВРАТА

От Царских Врат по праву руку
Святая Троица парит
И всю твою печаль и муку
В небесный замыкает скит.

И облака девятым валом
В Господних плещутся глазах,
И ты, невидимый, как атом,
И ты сквозишь в Его глазах...

ИИСУС-МЛАДЕНЕЦ

Хоть нимб сиял короной золотой,
Младенец рос среди живых живой,
Но помнил про языческий Египет,
Про Ирода, что обагрил свой скипетр,
Смотрел глазами отрока в костёр,
Взыскуя сердцем
Мировой простор.

Всё видел, что Господь наговорил
Евангелистам. Не жалея сил
И сердца с разумом, они душой списали
Чего ни до, ни после не узнали.
Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.

Вот в гроб сошел упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира, это Он!»
И указал Марии на Младенца,
И вмиг угас, схватясь рукой за сердце.
Уже оттуда высек искру рот:
— Ты ныне отпускаеши,
Господь...

Уже кусал Иуда серебро,
Копьём кололся стражник под ребро,
Толпа, закончив петь Христу Осанну,
Уже кричит: «Распни! Но не Варраву!»

Как будто яд змеиный на устах,
Блестит отрава
В нынешних умах.

Младенец знал про Еву и про гада,
О бдении ночном в объятых сада,
Где прячась от грядущего конца,
О чаше слезно Сын молил Отца.
Вселенная мерцала над долиной,
Ему – конечной,
Нам – необозримой.

Святой мы крестим отроков водой
В купели православной и большой,
Купели нашей Родине хватает,
И в ней святой воды не убывает.
Бог укрепил в нас линию родства,
Рассеяв тьму
Звездою Рождества.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь Вифлиемскими плодами
Осыпала холодный брег.
Держу перо тремя перстами,
Словно молитву человек.

Звездой Рождественская ёлка
Благословляет русский снег.
К иголке тянется иголлка,
И к человеку человек.

СТРАННИК

Твой посох, как лоза уходит в землю,
К нему приткнула молния ладонь.
И голос твой мерцал орлу и зверю,
Как пастуху, продрогшему – огонь.

Под рёбрами, как в клетке, спят глаголы.
Пока не разбудил небесный гром.
Не стаи войн, не стадные монголы,
Не Родина, дремавшая в другом.

Русь не Египет и не Палестина.
Не равная дорога к алтарю!
Пасётся вдоль её дорог скотина,
Как где-нибудь в эдеме и в раю...

Узрят и эти очи Ум Господень,
Плывущий в небе, как алмазный струг.
И не вчера, не завтра, не сегодня,
А в тот момент, когда закончишь Круг.

Тень по траве холма слезой сочится,
Как Млечный Путь по светопадку звёзд.
И посох-молния в ладони серебрится,
Покрытый ином забвенья – в полный рост.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Запах вербы, запах жизни,
Запах хлеба и воды.
Кто-то катит по Отчизне
Нимб от взорванной звезды.

Выползают в окна дети,
Как большие муравьи.
Едет лебедь на карете
Склёвывать зерно беды.

Там, где клюв земли коснулся,
Сразу вербушка цветёт.
Облаков живот надулся
От хмельных пчелиных сот,

Что разбросаны по небу
Пасечником-стариком.
Кто пчелой ни разу не был –
Не бывал черновиком

У Создателя в кармане,
Не взбегал на холм звезды,
Чтоб позднее магеланы
Шли по волнам бороды.

А поэты из десницы
Вырывали по стиху.
Ведь не ради светской львицы
Я стихами говорю?

А хотя бы львицы ради,
Не безродных дочерей...
Верба, как добытый радий,
Вспыхнет женщиной моей.

Как царица пред божницей,
Верба в хрустале стоит.
Я поеду на ослице
И сорву с Царьграда щит.

И прибью его к воротам
Достославного Кремля.
Кровью выстрадан и потом
Третий Рим — моя земля.

ТРОИЦА

Душе светло и незлобливо.
Упала от деревьев тень,
Во всей красе неторопливо
Встаёт из-за причала день.

Сегодня Троица. Я свечку
Затеплю пред Твоим Лицом,
Дух переброшен через речку,
Как радуга, Твоим Отцом.

И те, кто умер, те, кто вживе,
Той радугой озарены,
Не важно при каком режиме
Иль новых бедствиях страны.

Даль прояснилась, волны стихли,
Небесный шорох ловит слух...
То гомон райский, или стих ли,
Или Господня сердца стук?

Хоть лежишь у самого порога,
Далека к тебе моя дорога –

Родина моя!

Словно слёзы счастья и печали
По лицу бродяги пробежали
И упали в русские поля.

Чтоб однажды, близко ли, далёко,
Семена любви взошли до срока,
Зазвенели в поле зелены.

Стриж пробил небесную вершину,
И упали звёзды на равнину,

Родина моя!

И к калитке в довоенном платье
Вышла из глубин поющих мати,
Как выходит ангел из огня.

Я очнулся в поле на рассвете.
Жито сжато, над стернёю ветер.
Выше ветра –

Родина моя!

* * *

Родина! Память твоя глубока,
Страшен глубинный путь.
Туда, где блесит Аввакума строка,
Слабому не донырнуть.

Мусор сегодняшний, щепки да сор,
Могут легко заслонить
Слёзы былые, и стыд, и позор –
Всё, с чем обязаны жить.

До родины уж недалёко,
Стучится в сердце Пермский край.
И облака плывут высоко.
И в промельках мелькает рай.

Берёзка крест нательный тронет,
И тишина умрёт в глуши,
Росинку рощица уронит
На дно измученной души.

Та вострепнётся голосами,
И вздрогнет ряской сонный пруд.
И разольётся с бубенцами
Твоя божественная суть.

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В тиши лесных библиотек
Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,
Меня любовью насыщал
И Радонежский, и Саровский.

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы
В раю... Вот-вот про всё узнаешь.

ФОТОГРАФИЯ

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём –
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько не пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

Берёзки – сверстницы седы,
Полсотни раз сменились льды.
Вновь облака плывут по Каме.
Никто беды не ожидал,
Вдруг голос матери пропал,
И вот... Совсем не стало мамы.

Душа без звука умерла,
Открытка адрес мой нашла:
– Сынок, дождись, я скоро буду!
– Где будешь, матушка моя?
И как о том узнаю я,
И как, узнав, не позабуду...

Под сенью русского креста
Навеки скованы уста,
Ты не прочтёшь мое посланье,
Я не услышу голос твой,
Ушла ты в землю молодой,
Оставив небесам рыдания.

ШАГИ

Когда впервые
Я шагнул в простор,
Качнулся под ногами прочный луг.
Мой первый шаг
Опоры не нашёл –
Мне не хватало материнских рук.

Потом, судьбой
Сбиваемый не раз,
Шёл не туда, куда хотел идти.
Вам было легче в выборе
Пути –
Мне не хватало материнских глаз.

Ни на кого обиды не держу,
Спасает от обид
Родимый кров.
Спеть захочу,
Но песни не сложу –
Мне не хватает материнских слов.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

В родительском доме
Не жить мне и дня,
В родительском доме –
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

* * *

Как дальше жить?
О чём мечтать?
Отечество не виновато.
Хотя приходится опять
Оберегать, что сердцу свято.

Стоять в родительской глуши,
В монастыре среди молитвы...
Горя, как пламя у свечи,
Как сердце юноши в час битвы.

* * *

Мир не узнал Того,
Кто был распят...
Хоть рук своих не обагрил Пилат,
Но укусом Христу обжёг уста.
Мир в Иисусе не узнал Христа!

Один, как перст,
Водвинут в Мир Отцом.
Один, как перст, с простым земным лицом.
Не узнанный толпой среди толпы.
Царя не узнают его рабы.

Взошёл на Гору,
Превращаясь в свет,
В лучах Отца, свой растворяя след,
Притягивая души, как магнит...
Мир проглядел...
Почто сейчас скорбит?

* * *

Икона Бориса и Глеба,
Трагедия отчей земли,
Над ней только вечное небо
Да русские избы вдали.

Что зависть, коварство, и злоба,
И братоубийственный меч?!
Встают убиенные оба,
Чтоб кротостью Русь оберечь.

* * *

И чёрным железом Иуда рассёк
Царевен мальчишечьи груди...
Не выблевал кровь и не вздрогнул народ,
Не выдохнул: «Буди вам... Бу-у-ди!»

А помнишь, товарищ, расстрелянный Дом
И толпы зевак перед Домом?..
О чём говорим? Вспоминаем о ком,
Печалясь над попраным троном?

У ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

*В 1936 году рядом с часовней были заживо
закопаны священники...*

И я здесь был, за Ксению молился,
Возжёл свечу... И дух остановился.

Я вышел. В очи – красная заря,
Кладбищенская затряслась земля,

Российским простакам напоминая
Места, где пиновала волчья стая.

Где в яме без молитвы и креста
Толкли живых служителей Христа.

Святая Ксения, моя тропа убога,
Но встанет память Лазарем из гроба.

Ей тыща лет, она, как Русь, мудра,
Ей Пушкин диктовал со смертного одра...

Но служба кончилась, и певчие устали,
К огню свечи я прикоснусь перстами.

Ушло мгновение – возвращать не надо,
Горит заря, как грозный отблеск ада...

Жизнь покачнулась на весах,
Но удержалась.
В небесах
И на земле вражда бушует,
И гаснут звёзды там и тут,
Дороги в «никуда» ведут,
И речка образ твой ворует...
Словно следы от стоп Христа,
На глади
Контуры лица
Вниз по течению мерцают.
Звезда, попавшая в глаза,
До смерти не прожгла тебя,
Лучи глагол твой залатают,
Он станет чистым, как роса,
Звонящ, как неба полоса.
К Отчизне простирая руки,
Услышишь звон колоколов,
Ужель и он устал от слов –
Тот,
Кто за Слово принял муки?
Сместилась линия весов,
Отпали стрелки от часов,
Секундная и часовая...
Одна минута до утра,
А дальше зеркало у рта
Вздохнет,
Как бездна мировая.

Ты, Урал, не в славе – в сраме,
Между небом и землёй,
Здесь царевен сапогами
Пролетарский бил конвой.

Где Свердловск и Алапаевск,
Да и Пермь – по грудь в крови...
Не стеная и не каюсь
Жили выродки твои.

Бледные синеют лица,
Жутко кожанки скрипят,
Хочешь богу поклониться –
Да чекисты не велят.

Господи! Твой бич разящий
Не коснулся их голов,
Образ твой животворящий
Не испепелил рабов...

За убийцею убийца
В церкви бродят меж свечей,
И до гроба мне молиться
За уральских палачей.

ЦЕРКВУШКА

Стоит церквушка на угоре,
Вокруг древесные кресты.
Сегодня Дух Святой в дозоре
На купол смотрит с высоты.

Там сфокусирован небесный
Переходящий в слово свет.
С похмелья и душой кромешной
У входа молится поэт.

Опять он портит всем погоду,
Не входит в Божий храм, чудак.
Он хочет подпевать народу,
Да не научится никак.

БЕЛОГОРЬЕ

Нужно встать и уйти в монастырь,
Если примет отец Варлаам...
С Белогорья державная ширь
Океаном подступит к глазам.

Закачается палубный лес,
Бес, как в омут, в дупло сиганёт,
На груди моей матушки крест
Наважденья туман разомкнёт.

И увидишь дорогу в цветах,
Что лежит между вздыбленных туч,
Всё, что грезилось в детских мечтах,
Озарил пробегающий луч.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Жена, не пой: «Ещё не вечер...»

Какие глупые слова!

Всяк знает – человек не вечен,

Как эти птицы и трава.

Обнимет смертная истома,

Как в детстве слипнутся глаза.

– Чуток посплю – аль я не дома!

– Поспи, родной, – вздохнёт земля.

* * *

Увы, враги не исчезают –
Ни в жизни вечной, ни в земной,
Они из бездны прибывают,
А мне-то что? Господь со мной...

Он лишь один – Святой и Правый,
Ржу отделяет от меча,
Он – Свет и Купол пятиглавый...
Мой новый враг –
Ему свеча!

* * *

Носились чайки над лицом
И что-то женское кричали,
На берегу земной печали
Я был наедине с Творцом.

Я видел: Он сиял, как свет,
На гребне моря поднимаясь,
И я за ним летел вослед,
Колочей тверди не касаясь.

Пусть говорят, что это бред,
Что человек слабей букашки,
Но я-то видел Божий след,
Как кровь на собственной рубашке.

ПЛАЧЕТ ЖЕНЩИНА

Плачет женщина над страницей
Тихо-тихо, почти не дыша,
А за окнами носится птица
Или чья-то шальная душа.

Может, чьё-то письмо запоздало,
А не думало запоздать,
Но слезинка на строчку упала
И заставила строчку дышать.

Потому ли, что жизнь быстротечна
И не всё, что в душе – на устах,
Плачет женщина, ночь бесконечна,
И опять что-то в мире не так...

В неотвратимый день приходит осень,
Сдувая птиц божественным огнём,
Пока мы говорим о том, о сём...
Октябрь сугробы из-за гор приносит.

Дыханье, вырываясь изо рта,
Воздушным шаром взлетает к Богу.
Он лаконичен и подобен слогу,
Ему в Эдем откроет Пётр врата.

А в словаре есть слово «красота»,
Вместившее и жизнь и мирозданье,
Я слышу у плеча твоё рыданье
И шорох тополиного листа...

Закоченели руки от костра
И от печали русского простора...
Любимая!

Мы встретимся не скоро
В стране, где нет начала и конца.

САД

В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.
Дабы костям продутым полегчало,
На печки спешно лезут старики.

Из птиц – одни сороки-белобоки,
Не улетели за теплом на юг.
Проходят все отпущенные сроки,
Проходит всё...
Да и любовь, мой друг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмем лопату, черенки от вишни.
Сад разобьём,
И, может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ

По России бреду,
Облака – не кораблики,
В монастырском саду –
Молодильные яблоки.

Как монетку на зуб,
Плод попробую пресный.
Среди тысячи труб
Хор услышу небесный.

А ведь дума была,
В келье скрыться навеки...
Но куснул, – убыла
Эта страсть в человеке.

Не печаль, не тоска, –
Тёплый ветер равнины
Прошумит у виска
До небесной Пустыни.

Там ведь тоже сады.
На заре у криницы
Там мне встретишься ты,
Где не пуганы птицы.

Да не село ещё
Солнце,
Куполом брезжит.

Тот, Кто знает про всё,
На земле нас задержит.

Встав на горний карниз,
Поступая, как надо,
Бросит яблоко вниз
Из Господнего сада.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Церковь Божия над Нерлью
Обелит слова мои,
Бог взглянул на эту землю
И заплакал от любви.

Но бывало и другое,
Шел внизу кровавый бой –
Отводил Он взор от боя,
Забывал о нас с тобой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вижу облик твой желанный,
Розы райские в саду,
От шипов набухли раны.
Баю-баюшки-баю...

Вышел месяц из тумана,
Или я уже в раю?..
Слышу, напевает мама:
– Баю-баюшки-баю...

Раскачалась, словно зыбка,
Жизнь моя в родном краю...
Плачет золотая рыбка.
Баю-баюшки-баю...

* * *

Солнце скатилось на запад
В древнее лоно своё,
Дочка хотела заплакать,
В детской юдоли её –
Дни и года бесконечны,
Зло и печаль вдалеке,
Да и родители вечны,
Да и душа налегке.

* * *

Дочери

Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог,
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долг и далёк.

Высохнут большие реки,
Тыщу раз умрёт трава,
Но пребудут в человеке
Эти тихие слова:

Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог,
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долг и далёк.

* * *

Скоро горница светом наполнится,
Засмеётся ребенок в постели
Бесподобно, как во поле горлица
Или ангельские свирели.
Светоносная женщина встанет,
На носочках вспорхнёт к колыбели,
На малышку восторженно взглянет,
И опять заиграют свирели.
И опять зазвенит колокольчик,
Небеса утекут из-под стражи,
Завершится правление ночи,
И начнётся царенье Наташи!

* * *

Дочка дом нарисовала
В синих небесах.
Там собака из крахмала
Спит на воздушных.

В доме мы с женой и фото
Мамы на стене,
Жалится, как пчёлки в сотах,
Солнышко в окне.

День и ночь роятся стогны
Около крыльца.
Вот Господь прошел... На стёклах
Звёздная пыльца.

Точка, точка, две черточки,
Чёрный карандаш...
Это дочка, это дочка
Воскрешает нас!

ВО ПОЛЕ СРЕДИ ЦВЕТОВ

Во поле среди цветов,
На вершине мая,
Спряталась от взрослых слов,
С бабочкой играя.
Скачет,
Скачет по траве,
С бантиком кузнечик,
По лужайке,
По тропе,
Мимо рощ и речек.
Мимо склоки мировой,
Горя и печали,
Так захвачена игрой.
Днями и ночами
Набирают травы цвет,
Горлинка кружится,
Ты сама небесный свет,
Божьих глаз ресница.
То бежишь по облакам,
То летишь в тумане,
Корчишь рожицы богам,
Прижимаясь к маме.

Хозяин луга одуванчик,
Буран, нанизанный на пальчик,
Испачканный в белилах шмель.
Над муравьиными умами,
Как телебашня над домами,
Глядишь в невидимую цель.

Когда со стороны востока
Украсит жизнь Господне око,
Наташа выбежит на луг,
Былинку, словно луч, прикусит
И в окружении капустниц,
Как фея в окруженье слуг.

Приляжет и раскинет руки,
Замрут на паутине звуки,
Как ласточки на проводах,
И, раскрывая парашюты,
Зависнут над землёй минуты,
Теряясь в полевых цветах.

И уходить сейчас не страшно,
Пока дремотная Наташа
Пускает пузыри в зенит,
Пока не помнишь о разлуке,
Пока в лицо, глаза и руки
Пух одуванчиков летит.

МОЛИТВА

Немного радости вдали.
Идёт печаль за далью.
О, Дева Неба, сохрани
Ирину и Наталью!

Когда ударит ком земли,
Доска упрётся в спину,
О, Вседержитель, пощади
Наталью и Ирину!

Когда живой огонь строки
Погаснет в складках платья...
Забудьте про мои стихи,
Ирина и Наталья!

ПРИРОДА ВЕЛИЧАВА

Природа величава
И проста,
Как русский стих,
Сработанный отлично,
Велеречива только пустота,
А глубина любой реки
Обычна.
На тайну зарождения цветка
Есть тайна зарождения
Слова.
– Мне грустно и легко,
Печаль моя светла... –
Доносится из времени былого...

* * *

В моей глухой уральской келье
Попробую возжечь свечу
И просидеть весь вечер с теми,
О ком вспомнить я хочу.

Я вспомню доброе, не злое,
И так хватает в мире зла,
Хотя бы небо голубое,
Пока гроза не подошла.

Хотя бы радугу над лесом,
И босоногих малышей,
И лодку деда под навесом,
И запах сена в шалаше.

Настало время славить будни,
В обычном виден мир ясней,
И слушать то, что скажут люди
О пламени свечи моей.

Конь-Пегас, явись передо мной,
Унеси в родительское царство,
Где на холм взбегают зверобой,
Лучшее сердечное лекарство.

Где прогретый воздух травяной
Овекает медленные мысли,
Где гордятся жители страной.
И умы, и души не прокисли.

Солнце гаснет золотым столбом,
Подпирая сумрачные своды,
Месяц проплывёт с одним веслом
И нагонит дрёму на народы.

Но в моей крови гудит простор,
Плещут океаны мировые,
И Пегас летит во весь опор,
И столбы сшибает верстовые.

* * *

Ночное. Детский бег коня,
Луна, как лаз в Эдем.
Но там ещё не ждут меня,
Туда приду я с чем?

С губной помадой на щеке,
С бутылкою в одной руке
И со стилем в другой,
Сказав Петру: «Я свой!»

– Пока не свой, – промолвит Пётр
И я скажу в ответ:
– Да, я с тобой согласен, Пётр.
Мне дорог этот свет!

ПОЛНОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Горит полночная звезда
Над милой Родиной стократно.
Не возвращаются года,
Как Божий бумеранг, обратно.

Не возвращаются года
И люди, что уйдут сегодня.
Горит полночная звезда,
Как свечка на столе Господнем.

ДРЕВНИЕ ГЛАГОЛЫ

Я слышал древние глаголы,
Витал над ними горный дух,
Сквозь снег и лебединый пух
До райских врат простёрлись доли.

Брели без пастухов быки,
На холм всходила Русь святая,
У края жизни затухая,
Тянулись к Богу старики,

Господь не скажет: Уходи! –
Тому, кто Савлом звался прежде.
Слова любви ведут к надежде,
Чтоб ни случилось впереди...

* * *

Одна властительница степь —
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.

Над степью пролетит орёл,
За горизонтом приземлится...
Какой же на Руси простор:
Всё пропадает — взгляд и птица.

* * *

Моросит. На сердце сыро.
Клапана шумят в груди.
Выйдешь в двери – там Россия,
В оба на неё гляди!

В клоунаде вражьих шмоток
Вдруг заметишь нашу рвань...
Через поле – самородок.
Через десять метров – пьянь.

Я на Родине в дозоре,
Службу срочную несу.
Утром провожаю зори,
Пью стаканами росу.

И берёзовые слёзы
Лью на плечи из ведра.
Плачьте, девушки-берёзы,
Ваши слёзы сон-трава.

Из эфирного тумана,
Русь, явись передо мной!
И любима, и желанна
Потому, что Бог с тобой.

Отцовскую шляпу надену,
И шляпа сидит по уму.
На русскую выйду арену:
— Как шляпа подходит ему!

Подходит Байкал мне и Кама,
И профиль скалистый в Крыму.
Шаляпинская фонограмма.
Я тоже так рявкнуть могу!

По мне сталинградские степи,
С расплавленной вражьей бронёй.
По мне пролетарские цепи,
И те, кто был скован со мной.

И меркнет буржуйское семя,
Когда я в кабак захожу.
По мне это подлое время.
И тяга страны к мятежу.

Стихии железной глаголы
Стопой обопрутся на ять!
Беднейшие братья, монголы,
Нас скальпы научат снимать.

Напомнят, как делают чаши
Из срубленных вражьих голов.
На свете нет Родины краше!
И этих доходчивых слов!

* * *

Да, мы подобье, Господи, Твоё!
Как ни стучал б учёный муж по плешу...
Задраены молитвой наши флешу,
Хотя поверх летает воронья.

В нас сразу не поверишь... То ворья,
То депутат с экрана среди ночи
Врёт, не краснея... Нету больше мочи
Считать, что мы подобие Твоё.

Вот скорбным оком выхватишь дитя
Из мира лжи, где нету постоянства.
Не зря Господний луч пробил пространство –
Ребёнок так походит на Тебя!

НА БЕРЕГУ

Волна на скалы налетала,
Лизала корни сосняка
И ветром иглы в грудь вбивала
Под сердце, чтоб наверняка.

Минута, словно стайку рыбок,
Гнала секунды пред собой,
И человек был наг и зыбок,
И этот человек был мной.

И меж рекою и землёю
Он разметал стихов крыла,
Одно – облито синевою,
Другое – держит невода.

ДВОЙНИК

Но между нами свет,
Но между нами тьма,
И дедовский завет,
И хлебная сума,
И камень гробовой,
И ветер полевой,
И зимняя гроза,
И девичья слеза.
Проснусь,
Как чуткий зверь, –
Ты замертво уснёшь.
Когда я выйду в дверь, –
Ты в эту дверь войдёшь.
Кого сражу в бою,
Того ты воскресишь,
А песню запою –
Ты тут же замолчишь...

У лиственниц ржавеют иглы,
Как жёсть, от затяжных дождей,
И солнце мраморное в тигле
Подальше ставят от людей.

В ларёк стучится алкоголик,
Как чёрт в подземную дыру,
Запрыгнул воробей на столбик,
Нахохлился и ждёт пургу.

Она за пермскими горами
Полощет серый небосвод,
Вот Бунин бурею над нами
Высоким штилем пропоёт.

Что мы с тобою не пропели
Покудова в свои лета...
Все наши классики имели,
Нам не оставив ни черта.

ПОРОХОВОЙ ЗАПАС

Комары гудят, как лодки,
Что бегут по-над водой,
Перемерли все погодки,
Что любили пить со мной.

Что любили пить и драться,
Речку выгибать веслом,
Самогоном наливаясь
И в обнимку спать с костром.

Вот такие ёлы-палы,
Были корешки у нас...
Но от сырости пропали,
Как пороховой запас.

СЕРДЦЕ

«...стеклянно сердце»

М. Кузьмин

А сердце, как сказал Кузьмин, стеклянно,
Стеклянно сердце и стеклянна грудь.
А у поэта русского подавно,
Вмиг разобьётся – тронь его чуть-чуть.

Поэтому, когда глотая залпом
Вино или любые коньяки.
Не падайте у стойки бара на пол,
Особенно когда вы высоки!

Не налетайте грудью на ворота,
Вы ж не какой-то глупый там баран.
Кипит во лбу небесная работа!
Шумит в груди небесный океан!

И волны океанские упруги,
Словно ликёр в бутылочном стекле...
Не увернуться от сердечной муки,
Пока перо скрипит в твоей руке.

ЧЕРЁМУХА

Налью черёмуху в ведро,
Белокипенную, хмельную.
Пей «Хенеси» или «Бордо»,
А мне подай её, родную,

Весну! – умеющему ждать.
По воробьям стрелять из пушки.
Дробить, в стаканы разливать
Не станем. Россыпи веснушек

Уже кружатся над землёй,
И стыдно говорить некстати...
Озоновый латает слой
Всевышний крестиком-распятьем.

СВЯТО-ВВЕДЕНСКИЙ ТОЛГСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лежала Волга рыбой в стороне,
Рассвет, как сокол, на неё спустился.
О, Присно Дева! Я в монастыре
Пред ликом золотым Твоим молился.

Какой я грешник? Знаю, знаю сам.
Мне дальше паперти не стоило соваться.
Но за спиною братья по стихам,
Которые и плачут, и постятся.

Монахини поют, как стайка птиц,
У каждой из певиц по Божьей ноте.
Вдруг падаю, как перед плахой, ниц,
Услышав глас:
— Без Бога вы живёте!

Как воины стоят свеча к свече,
Их огненные шлемы полыхают.
И тени на церковном кирпиче
Коня Георгиева под уздцы хватают.

Не на меня занесено копьё
Святое — на поверженного Гада.
Я русский, значит, это все моё:
И монастырь, и каждый кедр из сада.

И звонница, и Волжские врата,
И сорок шесть монахов убиенных

Литовцами. Ять в книгах и Фита,
И даже галки на мирских антеннах.

Здесь исцелился Грозный Иоанн.
От язвы моровой спасались земли...
И я лечился от словесных ран.
За города молился и деревни.

О, Пресвятая, Отчину спаси!
На тихой Пристани народного терпенья.
Во чрево – Христа вместившая. Прости
Поэту очарованному – пенье.

ЛУЧ

С Камы-матушки широкой.
С Камы-матушки глубокой.
Между лодок и плотов.
На колёсном пароходе
(Что-то динозавра вроде...),
Позабыв родимый кров,

Приплывём в Москву-столицу,
Поцелуем голубицу,
Что летает выше туч.
Над её семьёю холмами,
Над кремлёвскими орлами
Пронося Господний луч.

Этот луч насытит перья,
Как стрелу насытит зелье.
А стрела насытит цель.
Слово не острее кинжала!
Но из раны побежала
Кама в общую купель.

Не допели мою колыбельную,
Солнце село в глаголы любви.
Разлюбив золотую губернию,
Улетели к другим соловьи.

Не дослушал мою колыбельную,
Задохнувшийся в битвах народ.
Кто же в Пасху мне веточку вербную,
Освящённую, в дом принесёт.

Кто со мной до лужайки дотопает
И на подвиг поднимет полки?
После драки кто раны заштопает,
Растирая седые виски.

Ведь пока не споют колыбельную,
Не начнётся последний поход,
Поднебесья свирель, запредельную,
Только детская песня поймёт.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Дома картонные, бумажные,
Труха и пакля лезут в паз,
И в основном все двухэтажные,
Все чёрно-серые в анфас.

Во двориках, как у Поленова,
Поленницы горбатых дров,
Портреты Энгельса и Ленина
Взирают из сырых углов.

В чулане дедовская четверть
Початая, с живой водой...
Знать старший сын закончил четверть,
Шумит, как месяц молодой.

За стенкой, словно в пушку ядра,
Вбивают в платье девки грудь.
Поздней у городского сада
Ты подмигнуть ей не забудь.

Тяжёлые кусты сирени
Ломают чахлый полисад,
Я здесь мёд-пиво пил со всеми,
Тому лет двадцать пять назад.

Сейчас случайно, мимоходом
К ним ненароком загляну,
Чтоб зацепить плечом ли, оком
От нас ушедшую страну...

ЗНОЙНЫЙ СЕЛЬСКИЙ ВЫХОДНОЙ

На даче установлен деревенский
Режим. Всем молоко даёт коза
С утра. Откуда стул здесь взялся венский,
Изящный, как жираф и стрекоза?

Собачью будку обживает Шарик.
Жара! И мухи, несмотря на шерсть
Густую, Шарика обшарят,
И доедят, что он не смог доесть.

Играют дети в бадминтон у реки,
Без рыб несут куканы рыбаки.
Цвела вода в затоне... Запах гречки
Звал на обед, что будет без ухи.

Я в руки взял дневник воспоминаний
И венский стул, чтоб на террасе сесть.
Я поменялся со временем местами,
Чтоб молодость спокойно перечесть.

Но, нет! Не стану будоражить память.
И прошлое мешать с июльским днём.
Вон, даже пёс и тот не хочет лаять,
Что в будку загнан солнечным огнём.

Я был один и ты одна,
Как муза и поэт.
Из солнечного полотна
Был соткан твой ответ.

И поцелуй с алых губ
Я пил, как пьют коньяк.
Тот, кто не понял, очень туп,
А это страшный знак.

Твои безумные глаза
Топили свет небес.
Срезало солнце, как фреза,
Все головы окрест.

Я, как поэт, в тебя влюблен,
И, как поэт, любим.
Но это старый патефон
И белых яблонь дым.

Тебе меня не погубить.
Тебя – не превозмочь.
Дремучим сном остался быт,
И чистым утром – ночь!

Бежит отравленная кровь
В долине наших встреч.
Всё глубже, глубже этот ров,
И всё нежнее речь.

Когда-нибудь, в какой-то миг,
Не хватит наших рук,
Чтобы согреть ладошкой лик,
Услышать сердца стук.

Расширится глубокий ров,
Отбросит нас, опричь
Твоих я не расслышу слов,
Услышав Божий бич!

Я был один и ты одна,
Как муза и поэт.
Из солнечного полотна
Был соткан твой ответ.

Поэту личная награда,
За мнимый подвиг трудовой.
Ты радугой от водопада,
Свет изгибаешь надо мной.

В пролом небесный ветер хлещет,
Гремит поэзии руда.
Я повидал немало женщин,
Такой не видел никогда.

Ты в тень мою войдёшь и выйдешь,
Как в тень светильника звезда.
Ну вот, теперь сама всё видишь,
Что я не видел никогда.

Сияешь, словно берегиня,
В рост на поэтовой груди.
Моё ты повторяешь имя,
Не зная, что нас ждёт в пути...

ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА

Поэты, как дети, бессмертны.
Им по сердцу снег молодой.
В саях, как глаголы в конверте,
Несутся с горы ледяной.

Снежки, как большие планеты,
Вращаются над головой.
Поэты, как дети, бессмертны,
Бесстрашно бросаются в бой.

Разрушены снежные стены,
От хохота тают снега,
Кусает огонь перемены
Окраин российских стога.

Они поднимают стаканы,
В кругу Олимпийском сойдясь...
Поэты, как стяги Державы,
Стоят над столом накренься.

Когда же уснут в фимиаме,
Устав от молвы и газет...
Останется в звёздном тумане
Глаголов рассеянный свет.

ОСТРОГ

Предавший твой краткий восторг,
Забывший твой чистый рассказ...
Закуй меня в русский острог,
Подальше от девичьих глаз.

Я буду на плахе, как тать,
Лежать и на бревна глядеть,
Я вспомню не друга, не мать,
А то, что к утру не успеть

Летящим по небу саням,
Идущим ноздрёю к ноздре
Рыскупим голодным коням, —
То мысль моя мчится к тебе.

Взгляну на печальный закат,
Увижу прекрасный рассвет,
И карий сияющий взгляд...
О, я не забыл тебя, нет!

Страницу пургой замело,
А строки размыли ручьи,
Ты вспомнишь о прошлом легко
И выбросишь в море ключи.

Никто не откроет острог
И в крепость мою не войдёт.
Как знамя, сломается слог,
И древко кольчугу пробьёт.

* * *

Не таи вселенскую печаль,
Не мути очей слезой невольной,
Знаю, что терять друг друга жаль,
Но зорить чужие гнезда больно!

Потому-то Бог меня простит
И укроет русская долина,
Но душа, как осенью рябина,
Заживо у ног твоих сгорит.

Есть красота в обыденности лета.
Ты, разомлев от солнечного света,
Забывлась сном у моего ствола,
Летящего по небу, как стрела,
Седьмому небу, где Амур с Эротом
Сражаются за право быть пилотом.

Я во сны твои не влезу воровато,
Ни ради прелестей твоих, ни ради злата
Твоих волос распущенных, как сеть,
На певчих птиц, спешащих рядом сесть...
Иначе сновидения любя,
Я окажусь под боком у тебя!

Пока Эрот сражается с Амуром,
Даю отставку всем грядущим дурам
И умницам забитым... заодно!
А прошлое забыто мной давно.
К тому ж кончается коротенькое лето,
А вместе с ним терпение поэта.

* * *

О, женщины! –
Зачем они мне...
К чему кипение крови.
Забудешь то и это имя,
Но так и не найдёшь любви.

Потом на печке
Иль в кровати,
Треща от старости костями,
По именам вдруг станешь звать их,
Как будто бес огрел плетью.

ИГРА В ЖМУРКИ

Повязка чёрная для глаз,
Как смерть,
На миг разводит нас,
Когда тебе глаза завяжут.
Ты – мельница.
Я – Дон Кихот.
Цепляют пальцы небосвод,
Срывают облачную пряжу.

Один, как перст,
В крошечной тьме,
И мне уже не по себе,
Как жить теперь
С такою ношей.
Повязку с глаз живых сорву.
О, как я белый свет люблю,
Дыша, как загнанная лошадь...

РЕКА ЧУСОВАЯ

Уходим в Уральские горы,
Скрываемся от передряг,
Как в час мятежа зимогоры,
Вождя закатаем во флаг.

Бурлит Чусовая, и ястреб
Волну не удержит в когтях.
Деревни, раскрытые настезь,
Скрипят, словно крылья, впотьмах.

В звериной норе отсидимся,
С утеса в стремнину нырнём,
Чтоб с Камой и Волгою слиться,
Потоком обняв окоём.

МУЖИК

Скрипит разбитая телега,
Могуч возница и суров,
И от ночлега до ночлега
В пути обходится без слов.

То просвистит над ухом птица,
То басурманская стрела,
То просвещённая столица
Избытком славы и ума.

Он знай себе стегает лошадь,
Макушку пятернёй скребёт,
И милость у богов не просит,
Но и свое не отдаёт.

ЗАРЕЧЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Хозяин коров и кругов на воде,
Борух Соловьев не философ Спиноза,
Но мысли шлифует на куче навоза,
Ждёт дачников, кукиш сокрыв в бороде.

Заезжие люди, надеясь на блат,
Идут на поклон, как в туретчину греки,
Гремят поллитровки в руках, как орехи,
Торгует навозом коровий комбат.

Участок земли, огород или сад
Для жителей каменных джунглей – полезны...
И дачник, чтоб жизнь не прошла бесполезно,
Органике аборигеновской рад.

Мелькают в горе черенки от лопат,
Навозом давно набивают карманы,
Коровы мычат, пьяно блеют бараны,
И шапка на Борьке торчит, как ухват.

Ты, Борька, поэту дороже наград,
В Кремле заседает земляк твой и тёзка.
Он дуб повалил, но не в этом загвоздка,
Он сад порубил – ты дерьма дал на сад.

Он к нам приезжал, но ему я не рад,
Тебя ж обниму хоть ты пахнешь навозом.
Другой отдаёт предпочтение розам,
Мне ближе картошка, укроп и шпинат.

С горы прокопытил летучий отряд,
А ты, как дитя пышногрудой Отчизны,
Устав от торговли, вина и от жизни,
Укрылся в сошедший с небес вертоград.

ДЕКАБРЬ

К русскому серебру
Утром дверь отопру,
Подступают к гортани морозы.
Хорошо, говорю,
Удались декабрю
Девы русские и берёзы.
Много мест на земле –
И в Твери и в Орле,
Где снега бесконечно любимы,
Но лишь здесь в декабре
На отцовском дворе
Так чисты они,
Так родимы...

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Затряслись и дворец, и избушка,
Небо стукнулось лбом об бугор,
То жена дурака в коробушке,
Переехала русский простор.

Ванька выследил деву-лягушку,
Платье-кожу зелёную сжёг,
Взял на понт, на авось и на пушку
Среднерусских долин василёк.

Вместе с платьем сгорела царевна,
Погрузилась Россия во мрак.
Разгребает золу ежедневно,
Не поверивший счастью дурак.

СТРЕКОЗА

Задевая за ресницы,
Пролетела стрекоза,
И не где-нибудь на Рице
В резиденции туза.

А в уральской деревушке,
На уральской той реке,
Там, где знают имя Пушкин,
Носят томик в рюкзаке.

Бок о бок живут с природой,
По боку им города,
В гуще русского народа
Вздрыгнул... и открыл глаза.

Стрекоза в лугах пропала,
Солнышко в зенит взошло,
Хорошо на сердце стало,
Так, как не было ещё.

СРЕДИ ПОДСОЛНУХОВ

Среди подсолнухов в полях
Дынилось утреннее солнце,
И ты искрилась на руках,
Рассыпав в шевелюре кольца.

По горло в ситце и росе
По следу наши тени плыли,
Держалось небо на осе,
Как на игле из жёлтой пыли.

Уже впадают в нашу жизнь
Ручьи из молока и мёда...
Держись, вселенная, держись! –
Хотя б на стебле небосвода.

* * *

Не надеялись жить до весны
Дерева, потерявшие листья,
Но очнулись от птичьего свиста,
Стали русла речушкам тесны.

Голоса земляков на полях
Утихают над быстрой водою...
На пригорке обсохла земля
И покрылась молочной травой.

Значит, будем, любезные, жить,
Клокоча, как пороги речные...
И цветы уже не различить –
Где на платье, а где – полевые.

* * *

Ты помнишь, поле колосилось,
Дул в спину лёгкий ветерок,
И птица с криками носилась,
Как в строчку не попавший слог.

Река искала вдохновенье,
Свистели вслед ей соловьи,
И месяц плыл, как ударенье,
Над тайной пристанью любви.

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Там, где чайки летят, зарываясь в закат,
Там, где пахнет соляжкой и водкой,
Я был к небу волной набежавшей прижат,
А к российской словесности глоткой.

Пусть акын на коня заползает с утра,
Пусть ашуг покоряет вершину,
За моею спиною мерцала сестра
И месила кровавую глину.

Круг гончарный, как рыба, блестит от слюды,
Изгибая борцовскую спину.
Обжигаю кувшин для вина и воды,
Чтоб оставить всё дочке и сыну.

Пусть глаголы мои не сильнее огня,
И кувшина не хватит надолго,
Но отчизна уже отмечает меня,
Как охотники логово волка.

Отчего стало сыро и голо,
Ветер юности свищет с высот,
Но играет тех лет радиола
И кого-то обратно зовёт.

Замелькали холмы и ухабы,
Чей-то взор пролетел над землёй,
Ах, наверное, сердцу пора бы
Позабыть этот край золотой.

Дух древесный лесного посёлка
Вышибает сухую слезу...
Словно Бог превратил тебя в волка –
Подступиться боишься к жилью.

Деревенька мерцает во мгле,
Россыпь звёзд и мазутные пятна...
Заблудившись на русской земле,
Тыщу раз возвращаюсь обратно.

Свет крестьянский тягучий, как мёд,
Заливает уставшие очи,
Бьётся грудью душа в небосвод,
Как сова до скончания ночи.

Пусть Россия почти умерла,
Но осталось на сердце смятение,
В небе родины крик журавля
И родителей благословенье.

В чистой горнице ивовый мёд,
На полотах сушёные травы,
Нищий, спившийся, бедный народ
В блеске прошлой божественной славы.

ХВАЛА ГРАНЁНОМУ СТАКАНУ

Тебе, гранёный, как алмаз,
Мои стихи и вдохновенье.
Похмелья гордое виденье –
Ты явишься ещё не раз.

Тебя порой держал герой
В руке могучей перед боем.
Поэт с курчавой головой
И тот, кто должен стать героем.

Бомжи и жители Кремля
Твоим канканам были рады,
На дне твоём, пустом не зря,
Как якоря, гремят награды.

А если май и голоса,
А если девки и поляна...
То, знаешь, без тебя нельзя,
Нельзя, товарищ, без стакана.

А если ты попал на пир,
Ну не на пир, так на пирушку.
Стакан твой бог и твой кумир,
Примерно, как поэту – Пушкин.

А если в чуждый дом пришёл,
В котором ты бывал не часто,
С размаха бьешь стакан об пол,
И говоришь всем видом – баста!

А если это дом друзей,
То лучше в мире нет лекарства,
Полнее, друг, стакан налей,
За русское я выпью Царство!

Да за великие дела,
За славу мировой Державы.
И как сказал старик Державин:
– Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить. Ура!

Гася огонь минувшей славы,
Я пью шампанское Державы...
Какой на этикетке год?
Ещё мы в славе и фаворе,
Ещё вожди не делят море,
Цветёт болгарский огород.

Подлодки бродят в океане,
Как дрожжи на печи у Вани.
Страшит врага новейший флот!
Ещё крестьянин торжествует,
Ещё Россия не ворует
Европой занятых пустот.

Но это все на дне бокала
Блеснёт, как лампа в полнакала,
Бокал о стенку... И каюк.
Душе и воину – боренье,
Всем матерям – мое смирение,
А птицам – север или юг.

ДОЖДЬ

Ветер срывается с горных высот
И, разогнавшись, у самой запруды
Гнёт к урожаю засушливый год
Так, что в земле откликаются руды.

Липнет размытый российский пейзаж
К стёклам, когда вы в полях на машине
Давите, как на гашетку, на газ...
Женщине – дом, а дорога – мужчине!

Драгой гребёт колесо колею,
Плещут у ног трёхминутные реки.
Что же так ангелы плачут в раю? –
Тонут в слезах на земле человеки.

Мышцы набухли от страшных затрат
Силы, отпущенной в светлом спортзале.
Эй, баргузин, сдай немного назад,
Люди и кони устали.

Сжимая в бубен полынью,
Мороз иглой коснулся уха,
Попала в голову мою,
Как пуля, ледяная муха.

Под стреху ветер залетел,
А хвост в моих руках остался...
Я никогда так не умел
В дом постучать и... не остаться.

Уже замёрзли жилы рек,
Пульс у ручья остановился.
И снег, как память прошлых лет,
С небес за шиворот свалился.

РЕССОРЫ

У тебя желание из стали,
А глаза твои из мельхиора.
Мы с тобой влюбляться перестали,
Но кровать, как старая рессора,

День и ночь скрипит от нашей жизни.
Трясая в родной стране дорога...
А иначе б от тоски прокисли
И, наверно, позабыли Бога.

Никого почти не уцелело
Из друзей. Врагов не убывает.
Ах, какое загубили дело!
Коммунизма сердцу не хватает.

А тебе моей любви-заботы.
И приходов каждый день на ужин.
Ты ревнуешь? Плачешь? Что ты, что ты!
Разве я такой кому-то нужен?

Не стрелял я урок по темницам,
Демократов не душил на рее...
Не харкался в морду первым лицам,
Не ловил зубами пуль на Шпрее.

Потому и остаюсь с тобою,
Словно пух, сдувая бабьи ссоры.
Что ж такое сделать со страною,
Чтоб запели Божии рессоры?

ДИЕТА

Опять остался без обеда,
Без мяса, пиццы – без еды.
Для похудения диета
Жрёт, словно тля, мои сады.

Молочные глотает реки,
Кисельные пьёт берега.
И потому варяги в греки
Не проплывут здесь никогда.

А ну его, бороться с весом,
Скажу вам прямо – с естеством!
Я толщину зову прогрессом,
А похуденье – баловством.

Худые – злые, точно черти,
Готовы лаять на собак.
А полные, уж мне поверьте,
Добры – хоть умный, хоть дурак!

Пока на кухне холодильник,
Словно кремлёвский часовой,
Стоит. И сала белый слиток
В нём отливает синевой.

Не в радость будут все диеты –
Раблезианства сладок звон!
Где гузка, шкварки и паштеты
В твой рот плывут со всех сторон.

Молчу о жареной картошке
В печи на сале нутряном.
Потей на беговой дорожке,
Я ж в кухню родины влеком.

Где окольцован поросёнок
Свежепросольной ветчиной.
Тетёрка, рябчики, курёнок
С капустой кислой и айвой.

И кулебяка с растягаем,
Анчоусы и артишок.
Всё красным квасом запиваем
Иль водкой ледяной – чуток.

Крутая гречневая каша,
Я ем её с густым борщом.
И свеженькую простоквашу –
Желудок ею бережём.

Про суп-пюре из репы с уткой
Скажу вам: сытная еда!
А сверху – пироги со щукой,
Не встанешь с места никогда.

Попробуй пирожки с мозгами,
С телячьим ливером... Потом
Настойки, вина и бальзамы,
Ватрушка с творогом бочком

Протиснется. За ней оладьи,
Облатки, трубочки с вином.

Компоты, муссы, точно братья,
Хотя живот набит битком.

В качалку ляжем под навесом,
Пускай завяжется жирок.
Жизнь лирика с огромным весом –
Любви и творчества залог!

ТАВРИДА

Машина просвистела сквозь страну,
Потом другую, ну а в третьей встала.
Где лукоморье радугу-дугу,
Словно хомут, на шее моря сжала.

Как билась черноморская вода,
И в сивой пене сила иссякала.
Чтоб этот миг оставить навсегда,
К душе бумаги приложил я жало.

Графит прожѐг, а вслед за ним глагол
Ударил... и остался отпечаток.
Я в море встал, как подъяремный вол,
И потащил его, от шторма шаток.

Дельфины ли, царевны водных сфер,
В моих кудрях, как в кущах, разыгрались.
Входили три страны в СССР,
Потом входить в СССР не... Сталин,

Сказали, что виновен в этом был.
Недавно говорили же другое...
Я море на себе домой тащил,
Как при пожаре тащат дорогое.

Юрию Кузнецову

«Иди и слушай тишину!» –
Ты мне сказал, и я уехал.
В полузабытую страну,
В страну из серебра и смеха.

Там ветер прячется в трубе,
А солнце прячется в лукошке.
Там мама с папой обо мне,
Живые, думают немножко.

К душе землицы, накренься,
Готовый с целым миром к бою,
Паду, как смерд, как русский князь,
Прикрою Родину собою.

Хотя б на миг её тепло
Усталое ошпарит сердце
И выбьет слово из него,
Как свет из-под закрытой дверцы.

Тогда услышу тишину,
Увижу ангелов колонну...
И всё ж мелодию одну,
Что детский слух ловил – не вспомню.

ЛАНДЫШИ

Уже июнь, а ландыши в земле
Ещё храблятся, набирая силы.
Пульсируют их тоненькие жилы...
А мы живём в добре или во зле.

Но аромат уже щекочет нос,
В глаза, как сор небесный, попадает.
И пред цветком стоит великоросс,
Пред маленьким, и, как дитя, рыдает.

У МОРЯ

Не здесь ли кадила звезда Одиссея
В ладонях разлуки.
Где слёзы Сирен выжимал из очей я,
Как яд из гадюки.

На дне амазонки топили обновы,
Молву и наветы.
И выжгли глаза у Гомера глаголы,
Как сопла ракеты.

Здесь зной гуталином касается кожи.
Слюна высыхает.
Но здесь олимпийцами стать мы не сможем
Без отчего края.

Без рощ золотых и простуженных речек,
Мужицкого рая...
На севере диком грустит человечек,
Меня поджидая.

И все эти гарпии, фурии духа,
И арфы Эллады,
Замрут, как ладошкой прибитая муха,
У русской ограды.

ПАРКОВЫЕ СТАТУИ

Ржа въелась в арматуру статуй –
Шахтёров, девушек с веслом.
Волной времён размыло статус
Державы, отданной на слом.

Из гипса русские атлеты
Гоняют мяч и в горн трубят.
В их портупеях пистолеты
Врагам неведомым грозят.

Есть летчики, и трактористы,
Спортсменов дружная семья,
И пионеры, и артисты,
Поэты – не слабей, чем я!

Скульптуру формирует вечность,
Она шипит в пустом зрачке,
Как скарабей, что, в палец метясь,
Застыл на спусковом крючке.

В ТАМБУРЕ

Выходишь в тамбур покурить,
Глотая дым страны.
В окошке скачет волчья сыть
По серебру луны.

Смеётся девушка в углу,
Сдувая пух перин.
Она похожа на юлу,
Игрушку для мужчин.

А я один смотрю в окно,
Её смешком задет.
Вагон, словно в цепи звено,
Нас вытащит на свет.

А там в шелках Святая Русь,
С ладошки кормит птиц.
Сорву стоп-кран и сам сорвусь,
Как пух с твоих ресниц.

И стану в решете носить
Промчавшиеся дни.
Скачи лошадка, волчья сыть,
В серебряные сны.

* * *

Мимо бати проезжаю,
Всё спокойно — тишь да гладь.
Время катится по маю:
То на холм, то с горки в падь.

Вертухай стоит на вышке,
Тень крадется по стране.
Не читают дети книжки —
Русский дух в карантине.

Помнишь, из библиотеки
Ты мне приносил стихи?..
Это было в прошлом веке.
Под ногой пружинят мхи.

Ах, как нынче покосился
Небеса державший крест.
Ты зачем под ним укрылся
От своих детей, отец?

ЗАВОДСКОЙ ПРУД

В ложбинах спят уральские заводы,
Как солнечные зайчики земли.
А на заре их тормозят народы.
В окалине по горло и пыли.

У всякого завода пруд с плотиной,
И молот, чтоб оружие ковать.
Но девушки с рябиной и калиной,
По берегам пруда вольны гулять.

Не пруд, а океан – я был уверен,
Когда на спор его переплывал.
По грудь в воде стоял столовский мерин,
Пока я в бочку пруд переливал.

Хоть ни одной русалки не попалось
Тогда в казённый кованый черпак.
Я слышал пенье, так мне показалось,
Почудилось, а значит, было так.

О чём была та песня вековая?
Не повторит ни зрячий, ни слепой...
Звенела там верёвка бельевая,
И кровь лилась из раны ножевой.

Пять часов утра. Темно.
Взгляд в окно летит, как в пропасть.
Месяц, как в ведёрке дно,
Дно серебряное то есть.

В глубине печи огонь
Память детства навевает.
Мамы тёплая ладонь
Мир начальный обрамляет.

Где живут, как брат с сестрой,
Во саду Адам и Ева.
И забрызганы росой,
А не кровью корни древа.

И невидимый Господь
Души хлипкие спасает.
Но уже вонзившись в плоть,
Злость, как головёшка, шает.

Но от солнышка светло
Вспыхнет ручка над строкою,
Как над речкою весло
Или пахарь над сохою.

БЕРЁЗЫ

Покрылись золотом берёзы
Сусальным с божьего плаща.
И не страшны зимы угрозы,
Всё стерпит русская душа.

Всё выдюжит простое сердце:
Имперский крах, царёву ложь.
Обрезанного единоверца,
Вселенским возгласом:

– Ну что ж...

Пусть вместо птиц орёл двуглавый
Летит неведомо куда.
Идут слова казацкой лавой.
Безумцы! Я вас ждал всегда!

Хоть на развалинах Союза,
Хоть на развалинах души.
Очнись в гробу хрустальном, муза,
И очини карандаши!

* * *

Ю. К.

– Вот этот стих и Пушкин мог заметить! –
Большой Поэт поставил мне на вид.
Поэт с поэтом, Господи, мой Свете,
От имени поэта говорит.

Ни графоманы и ни толстосумы
Не попадут на сей духовный пир.
Хорошие поэты, словно гунны,
Когда-нибудь вновь завоюют мир!

ИВАН ВАНЬКОВ

Без сожаленья или укоризны,
Но взятый в плен энергией строки,
Иван Ваньков читал мои стихи
Во глубине и на краю Отчизны.

Шёл вечер в сельской школе номер пять.
Российская словесность голосила...
Иван Ваньков сам пожелал читать,
Как если бы желала вся Россия.

В телятниках отцы скребли навоз,
А матери в хлеву коров доили.
Спал у селпо лентяй, пропив свой мозг,
Наш, а не подданный Ботсваны или Чили.

Нет в сельских сумках сборников моих,
На полках нет и в животах комодов.
Из уст в уста сюда добрался стих,
Не помешала русская погода!

Ни чёрных копыеносцев, ни убийц,
Что в императорских послов стреляли...
А море деревенских юных лиц,
Я слушал их — они меня позвали.

Я слушал их, как слушают леса,
Смотрел на них, как на поля пшеницы.
Есть, есть ещё в России голоса,
Не оскудел родник живой водицы.

* * *

Стрела дождя прибила лист к земле,
Ему подняться не хватает силы,
Древесный уголь теплится в золе,
На лбу поэта набухают жилы.

Печально, друг, горит звезда в ночи,
Пронзая сумрак на краю Державы,
Где огонёк от спички иль свечи
Дороже вдохновения и славы.

Заварен чай, варенье на столе
Густое и тяжёлое, как осень,
А как ты жил – в добре или во зле –
Об этом на земле никто не спросит.

* * *

Всё дальше от тропы Господней
Лежит народная тропа...
О том ли, мой поэт, сегодня
Устало прозвенит строка?

Но слух имеющий – услышит,
А зрак имеющий – узрит,
Чей это пес в лицо мне дышит
И по хозяину скулит!

ПОЖАР МАНЕЖА

14 марта 2004 года

Манеж горел. Дымы клубились,
Росли валютные счета...
Когда-то здесь на саблях бились –
Орлы, нам с вами не чета!

Здесь шли в галоп кавалеристы.
Я слышал топот лошадей!
Художники, певцы, артисты.
Хрущёв бывал и Аджубей.

Здесь я ходил на Глазунова,
Он ничего мне не открыл...
Три ратника у Васнецова,
Вот чем мой предок дорожил.

Но Русская пуста застава,
Скрипит в гробу казак Илья.
И догорает наша слава
Уже в трёх метрах от Кремля!

ВИНА

Сколько быть без вины виноватым?
Отыщу за сараем лопату,
Закопаю вину глубоко...
– Повинись! – мне кричат фарисеи,
Вторят им всех времён лицедеи...
Закопал, но не стало легко.
– Откажись от великой идеи,
Отрекись от великой Расеи... –
Этот гомон зашёл далеко.
Лучше быть виноватым,
Но честным,
Взял лопату,
А место известно.
Откопал...
А там нет ничего.

НАРОД

Подкошенный реформами
Под корень, как сосна,
Народ ложится вовремя,
Валяясь допоздна.

Покуда он валяется,
В стране идут дела:
Правительства сменяются,
Звонят колокола.

Тоску задавит скука,
Родную песню – крик,
Жужжит над ухом муха...
Но к ней мужик привык.

Знай, спит себе заезженный,
Ненадобный казне,
Беззубый, обезвреженный,
Не стойкий к новизне.

Родной до безобразия,
До клёкота в груди.
Эх-ма, европа-азия,
Смотри, не разбуди.

ВОЗРАСТ

Пора о возрасте подумать,
Свою переиначить жизнь.
Сметёт небесная коммуна
Гул самомнений и харизм.

Пуškai подольше брызжут искры
В лицо из Божьего костра.
И псы твои не ради миски
Толпятся около тебя.

Твоей крылатой Сивке-бурке
Чужой не нужен коногон...
Хоть трижды кардиохирурги
Коснулись сердца твоего.

А жизнь зовёт, летит, заводит,
Тебя толкает впопыхах.
И ты грохочешь, как заводы,
Живёшь и побеждаешь страх.

И мысли, возраста моложе,
Гудят под крыльями стиха.
А ты всё тот же, тот же, тот же...
И возраст ни причём пока.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Мы шли с отцом под небом сизым
Мимо лесов и лагерей.
Отец мой не внимал капризам
Слезинки крохотной моей,

Что падала на лёд калёный,
На камский, на декабрьский лёд.
Он был словно пирог слоёный,
Пирог с торосами вразлёт.

Я снегом охлаждал ладони,
Когда их обжигал мороз.
Стволы, как белые бидоны,
Звенели в рощице берёз.

На белом фоне – дни неярки,
Хотя и видно далеко...
Да нам бы с батей литр солярки,
Чтоб костерок разжечь легко.

Растворена вблизи дорога
Позёмкой бьющей поперёк.
Отец сказал:
– Уже немного
Осталось. Потерпи, сынок!

В лесу трещали лесорубы.
Я был почти полуживой.

Но я терпел, сжимая зубы,
Рычал, как пес сторожевой.

Так шли мы к бабушке в деревню
По Каме мимо пристаней,
На спины щуки и таймену
Ступая обувью своей.

ЛЕСОПИЛКА

Целовались мы за лесопилкой,
В прошлом веке на закате дня.
Твоя шея с тоненькою жилкой
Безрассудным сделала меня.

А потом мы воду из колодца
Пили, оглашенно хохоча!
В прошлом веке догорало солнце
С треском, как бенгальская свеча.

Если б я тебя любил, к примеру,
Сразу потускнели б наши дни.
Не вздыхай – я женщинам не верю,
Потому что женщины они.

ОБЛАКА

И облака влезают в рамки,
Когда садятся на холсты.
От водки и до валерьянки
Несут нас белые листы.

А не по морю-океану,
Несут по рекам Бытия.
Что шторм гранёному стакану!
Товарищи, скажу вам я.

Цветами радуги играет
Его стекла любая грань.
Поэт по облакам гуляет.
Его попробуй, зааркань!

* * *

Сердце радостно забилося
В тесной клетке костяной.
Будто бы освободилось
Вместе из тюрьмы со мной.

Пульс наполнен. Слава Богу!
Есть волнение крови.
Молодцу пора в дорогу,
Чтоб погибнуть от любви.

А на дворе апрель, а не февраль.
И скоро май, и ласточки к нам в сени...
А на моем столе раскрыт Есенин,
Он для поэтов Родины – букварь.

И я его люблю, как дети даль.
Другие имена – глаголы те же.
Я пью слова, как водку пьёт москаль,
С любовницей на крымском побережье.

Струна любви от ветра так звенит,
Что на морском песке дрожат русалки.
И первый лучик из небесной прялки
Вслед за росой по жёлобу бежит.

СРЕДИННАЯ ОСЕНЬ

А дождь идёт, как Божье войско,
Свободно без дорог и троп.
В дождинках, словно в каплях воска,
Обледенелый клён утоп.

Но ветви, словно крылья, машут
Всё тяжелей и тяжелей...
Приподнимая землю нашу
И на земле родных людей.

А следом маленькие дети
Бегут с дождем вперегонки.
Как звукопальцы на кларнете
Или из-под пера – стихи.

ДЕВУШКЕ,
ЧИТАЮЩЕЙ В ЭЛЕКТРИЧКЕ
МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА

Ты читаешь Уэльбека в грязном вагоне,
Тень от виц заоконных свистит по лицу.
А напротив дочурка прижалась к отцу
И забылась, как солнце на медленном склоне.

А весна тупо месит овраги-холмы,
Как стряпуха-соседка сбежавшее тесто.
И сухое ты вряд ли отыщешь здесь место,
Чтоб с подноса рассыпать цветы Хохломы.

Вечер, словно разбойник, скрипя сапогом,
Притаился с небесным серпом и заточкой.
Водовоз громыхнул обезвоженной бочкой
И пропал в чёрно-белом кино за углом.

«Волга-Волга», Орлова, Державный Урал.
Ты летишь мимо жизни, родная шутиха,
И колеса Транссиба грохочут на стыках,
И трубит, что есть мочи, алтайский марал.

Ты своя в этом мире за мутным окном,
Хоть французик смутил неокрепшую душу.
Из Мишеля шахид раньше вырежет грушу,
Чем под утро тебе расскажу я о том.

Спи. У этой дороги не видно конца.
Почему ты не спишь? – Потому что не спится.
Потому что Россия, как райская птица,
Пьёт и пьёт беспричинные слёзы с лица.

Облают тут же кабысдохи,
Сбиваясь с рыси на аллюр.
Пойми, не нас кусают блохи
И сапогами бьют за кур.

Здесь наша молодость исчезла,
Вслед за ручьём сбежала тень.
Радикулит прострелит чресла
Сонливых русских деревень.

Уже знакомых не осталось
Среди живых и мёртвых душ.
Скрипит безрадостная старость,
Последний лопнул конский гуж.

На бок завалится лошадка
И ржаньем небеса пронзит.
А там не шатко и не валко,
Пегас без музы семенит.

Здравствуй, мама!
Здравствуй, папа!
Здравствуй, вся моя родня!
У судьбы стальная лапа,
А дыханье, как у льва.

Я рукой от слёз закроюсь,
Куртку кожаную смяв.
Под тебя во всём подстроюсь,
Бескорыстный русский нрав.

Отыщу слова простые
В детской памяти своей.
Там слова такие жили:
Небо, поле, речка, ель.

Меж её корней тетрадку
Со стихами я зарыл.
Быть прозаиком – не сладко.
Быть поэтом – выше сил.

Так мне думалось в ту пору,
Лет семи или восьми.
Потянулась мысль к народу,
Как к прикорму караси.

Ты зовёшь меня с собой,
Эхо пахнет летом.
Родниковую водой
Брызгаясь при этом.

Юная, как новый день,
Яркая, как лучик.
Тень наводишь на плетень
Без небесных тучек.

Платье лёгкое, как пух,
Тоньше паутинки.
Выбежишь зверьком на луг,
Не примяв травинки.

Закипели кружева,
Разметая ситцы.
Как шмели, гудят слова
Вкруг цветка-девицы.

Озарил мои леса
Сплав любви и света,
Словно детская мечта,
Голову поэта.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТИЕ ДОЧКИ

Ломится путник с дороги
В сени ни свет, ни заря –
Это зима на пороге.
Первое декабря!

Слов-самородков намоют,
Доброго наговорят...
Я тебя знал другою
Столько же лет назад.

Шли по отцовской ладони
Розовые ступни.
Сам пеленал тебя, помню
Эти счастливые дни.

Как у твоей колыбели
С книжкой стихов засыпал.
Музы, как змеи шипели.
Я этих баб прогонял.

Годы, как будней генштабы,
Вносят меж нами разлад...
Ну и теперь эти бабы
Мне ничего не простят.

НА ЗАИМКЕ

Завари, дочурка, чая,
Тот зелёный, листовой,
Что привез я из Китая,
Чтоб чаи гонять с тобой.

В чашке русского фарфора,
С позолоченной каймой,
Кипяток не стынет скоро...
Лес зелёный и густой

За окном встаёт, как дымка,
Корни роются в земле,
Но протоплена заимка,
Пьём зелёный чай в тепле.

В небе месяцу не спится.
За столом отец и дочь.
На плите кипит водица,
Прогоняя в поле ночь.

Строчка до начала света
Просвистит в моих глазах...
Чай допит, а песня спета
С чайной розой на устах.

ПАРАД

Из дворца литераторов катит орава.
Полночь. Тут по камням вдруг металл загремит.
Это наши войска за часы до парада
Репетируют строй и геройский свой вид.

Это наши торчат, словно гвозди по шляпку,
В шлемофонах московских, в уральской броне.
Мы хмельные глаголы хватаем в охапку
И бежим за колонной к кремлёвской стене.

В день парада туда никого не подпустят,
Где партийные бонзы советской страны.
И пока нас менты в рог бараний не скрутят,
Мы досмотрим, досмотрим мальчишечьи сны.

Пусть гремят по столице имперские траки,
И ракеты в сиянии лунном сквозят.
Пусть пугают раскормленных натовцев танки.
Марш вперёд! Марш вперёд. И ни шагу назад.

ПРОСНИЦА

Приснится деревня Просница,
Колодезной брызнет водой.
Пыльцой огуречной теплица
В июньский врезается зной.

Давно уже высохли лужи,
Рассыпался конский навоз.
И трактор машинам не нужен,
Чтоб в ливень таскать на откос...

И всё здесь созвучно и мило
Неслышному бегу реки.
Шрапнелью летящие мимо,
Тревожат простор пауты.

А я на террасе с газетой
Сижу и дышу синевой.
Стоит деревенское лето,
Как Филипок предо мной.

ЛУКОВАЯ ГРЯДКА

Накинув в сених плащпалатку,
Засунув ноги в сапоги,
Иду на луковую грядку
Брать с грядки луковой долги.

В окне любимая маячит,
Глазунью жарит на огне,
Потомки всё переиначат
Про нас в цветущем новом дне.

Веду здоровый образ жизни,
Да я с утра уже не пью,
С высокой думой об Отчизне
Я перья луковые рву.

НЕБО, ЛЕС, РЕКА

Жёлто-зелёное с красным,
Синее на голубом.
Хотел написать о прекрасном,
Да что же я знаю о нём?

Это писать, как о Боге,
О Сыне и Духе Святом.
Реки, леса и дороги,
Хладный овраг с родником.

Льётся по горлу водица,
Воздух стрижёт стрекоза.
Какие прекрасные лица,
Бьют, отражаясь, в глаза.

РЕШЁТКА

Я сижу за решёткой стальной,
В Коктебеле иначе нельзя,
Если первый этаж и он твой,
Вмиг залезут – закрой лишь глаза.

Друг приходит и корм подаёт,
Кормом может быть просто хамса,
Волен друг – на втором он живет,
И обитель его высока.

Редко в море нырну с бугорка,
Чаще книгу читаю да пью,
И к стакану привыкла рука,
Словно к вражьему горлу в бою.

Можно водкою горе залить
И армянским заесть шашлыком.
Только как Коктебель позабыть
И стальную решётку с окном.

В пустом лесу трезвонят коростели,
Медведь берлогу ищет потеплей.
Лосиный след, как дырочки свирели,
На узенькой тропинке между пней.

Душа полна восторга и любви,
А сердце одинокое – печали.
Не пойте длинных песен, журавли,
И не звените райскими ключами.

На дно берлоги падает медведь,
Как в омут со скалы замшелой камень.
Листва темнеет, как от солнца медь,
И гаснет по лесам и рощам пламень.

ПИАНИНО

Девочка открыла пианино,
Словно книгу и калитку в сад.
И открылись горы и равнина,
Женщина и божий виноград.

Над косичками резвилась стужа,
Дым отчизны, вешняя гроза,
Голос государственного мужа,
Толстый шмель и дама-стрекоза.

Музыка – волшебная стихия,
Только слово может перед ней
Выставить полки молитв, стихи ли...
Девочка-душа, играй сильнее!

Музыка – отрава и отрада,
Кто заполнит нотную тетрадь,
И кого Господь поместит справа,
Чтоб смогли ребенку подпевать.

ДЕРЕВНЯ

Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.
Замутились нечистой силой
Озерки, где таскал пескарей.

То, что брошено – не безобразно.
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
За свечой догорает свеча...
Лишь поэзия – стерва сердечная –
Из-за левого смотрит плеча.

* * *

Прут облака из-за бугра,
Скучны, как чуждые идеи.
Встал, отложил Четьи-Минеи.
Равнину ночь обволокла.

Мне на свидание пора,
Я ничего уже не слышу...
Звездой пробивает крышу,
Как крохой с Божьего стола.

По свежей грязи в сапогах
Гребу через овраг к любимой,
По Родине необозримой,
Растерзанной и в пух и в прах.

ПЕРЕДЫШКА

Сбегу в гостиничный приют
В каком-нибудь глухом районе,
Где «гор.» и «хол.» не подают,
Нет проституток в телефоне.

Но в небе – птичьи голоса,
А в окнах – хрипы патефона.
И не противится душа
В сердечное вернуться лоно.

Люблю за стареньким столом
Сидеть с классической книгой.
Глотать вздох за томом том,
Прихлёбывая чай с черникой.

Сползут с измученной души
Объятия городской трясины.
Пиши, ломай карандаши,
Тревожь сердечные глубины!

* * *

Первый на погосте снег
Серебрит виски азотом
Душ, пропавших в прошлый век,
Словно в рамочку для фото.

Вдруг застынет человек,
Но опять сорвётся с места...
Вот вдова, а вот невеста,
Между ними целый век.

Мох глубокий – даже сук
Хрустнуть под ногой не может.
Только смерти сходит с рук –
Взрыв звезды и гибель розы.

БАБУШКА АНЮТА

В невесёлую минуту
Вспомнил бабушку Анюту.
К ней от мачехи сбегал
Кости греть на русской печке,
Искупавшись в зимней речке,
Как французский генерал.

Ночь, в ночи две сигаретки,
Две блестящие монетки,
Два зелёных уголька...
Сердце выпало из глотки,
Тут заметил выше тропки
Три стеклянных огонька.

Да, тогда водились волки
В хвойно-каменной сторонке,
Помнишь, Батюшка Урал?
Взвоят – стынет кровь по жилам,
Если был бы я служивым,
Я б с собой мортиру брал.

Отодвинув прочь заслонку,
За родимую сторонку,
Погружала в печь ухват
Бабушка в крестьянском платье,
Плыл обратно на ухвате
Чугунок, одетый в пар.

Хоть крупинка за крупинкой
В супе бегала с дубинкой,
Ешь от пуза, как мужик...
Алюминиевая ложка
Над столом висит, как брошка,
Отражая этот миг.

На сундук швырнув рогожку,
Скинув с зябких плеч одежку,
Забираюсь под тулуп.
В сне глубоком вижу царство,
Где нет злобы и коварства.
Где друг дружке каждый люб.

Где по небу ходят кони,
Нет волков и нет погони.
А в светёлке дева-мать
Шепчет листопада тише:
– Подойди, сынок, поближе,
Лобик твой поцеловать...

Тут я, дурачок, проснулся
Или луч ресниц коснулся,
А по ним слеза бежит.
Жизнь моя стоит в тумане,
Как похлёбка бабы Ани.
Нужно как-то дальше жить.

* * *

Старый мост унёс поток,
Был апрель тот многоводным.
Опершись на батожок
Думаю: «А как сегодня
Перейду на берег тот?» –
Ни моста и ни баркаса...
Не окончен мой поход,
Там дорога – тоже наша!

*«И за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету её разнесли...»*

(Из поэзии эмигрантов)

Обронил перевозчик весло,
Спит Отечество после загула.
Догорают цифирь и число
И славянская тлеет культура.

Я не знаю, кому «повезло»? –
Вашим бедам иль нашим потерям.
У России подбрюшьё светло.
Малороссы сбежали к соседям.

Наша Родина помнит о вас.
Возвратились Ильин и Деникин.
Русский Мир, как Христа напоказ,
Распинают заморские гики!

Держат ангелы берега.
Держат так, что ломаются крылья.
Своенравная очень река,
Ей неведомо наше бессилье.

Наши Церкви качнулись вперёд,
В небе вспыхнул огонь единенья.
А теперь челоуеков черёд
Встречное обозначить движение.

Словно пепел, упавший с небес,
Превращается в белую вьюгу.
Это ангелы наших сердец
Выбегают навстречу друг другу.

ГРОЗА

Я проснулся от грома и молний
В городке на своём этаже.
Эта музыка неба знакома,
Как глаголы в родном падеже.

Дождевые проносятся реки,
Каждый камень в реке говорлив.
В тёплых странах, наверное, греки
Подбирают для Зевса мотив?

Отдохни, громовержец, немного,
Да попей на Олимпе чайку.
Для слепого добавь и глухого
Связку молний и грома в строку.

СУББОТА

Конечно, махнул бы на дачу,
Когда б не метели и снег.
От всей бы души побатрачил,
Сосной протопил бы ночлег.

На Каму сходил, порыбачил,
Поймал бы сома-усача,
Налима и щуку в придачу,
Стихи свои, в ус бормоча.

Вернулся б к хоккейному матчу
В телевизионном окне.
За каждую пил бы подачу,
За шайбу в воротах – вдвойне.

Потом, предаваясь наиву,
Смотрел бы сквозь дрёму в тепле,
Как в рост одинокую иву
Рисует мороз на стекле.

ЦВЕТНИК

Бегут, как люмпены, люпины
Ко мне по краю цветника.
Пионы подставляют спины,
Июльским ливням, а пыльца,

Как бультерьер, вцепилась в пестик,
А значит, скоро жди приплод.
Цветут ирисы в нужном месте
И желчью жалят огород.

В центр круга, словно забияки,
Огнём украсив лепестки,
С объятьями пролезли маки,
Как в полк кремлевский — земляки.

Недавно отцвели нарциссы,
И отошла давно сирень.
Две пихты, словно кипарисы,
К шатру небес приткнули день.

Гвоздики, ландыши, ромашки,
Шиповник с розой на устах...
Я в мамой вышитой рубашке,
Как деревенский Мономах

Сижу без знаменитой шапки
На лавочке в живых цветах.
В траве паук ломает лапки,
Но сеть плетёт в людских умах.

Проходит женская фигура.
Качнется ветер боковой...
Как сноп пшеницы белокура —
Коса, косе, косу, косой.

И вдруг заметишь очумело
След от прививки на руке,
И первый поцелуй несмелый,
Как шмель, оставишь на щеке.

* * *

Взлетит журавлиная стая
На зримую высоту.
Всю твердь надо мной размыкая,
Покуда летит — отдохну...

И снова навалится вечность
Искрящимся звёздным столбом.
И снова смелеть будет нечисть,
Наглея щипком и тычком.

Я буду стоять во вселенной,
Как русский простой богатырь,
В отцовской фуражке военной,
Стихами тревожить эфир.

В. Бондаренко

Мы пили в Коктебеле и Москве
С тобой за Одиночество Отчизны.
Пусть наши девы корчатся в тоске,
Пока мы говорим с тобой о жизни.

Пусть кровь раба из росса выйдет вон!
Из тигля Русской Славы – испарится...
Пускай колеблют олимпийский трон
Восторженные молодые лица.

Пусть разгорятся угольки в золе
От речи, разрывающей пространство.
Затем, чтобы оставить на Земле
В границах Русь и в берегах Славянство!

ПЕРМЬ

Где чайка над Красавинским мостом
Трассирует мелованным хвостом,
Выдёргивая из потока рыбу.
За чайкою следит портовый кран,
Он к облакам любовью обуян
Стрелой махнул... и гравий весь просыпал.

Река, как меч, меж берегов лежит,
Трамвай из Мотовилихи бежит,
Но не догонит белый пароходик.
А за кормою Разгуляй бурлит,
У Разгуляя правый глаз подбит –
Мы посвящать ему не станем оды.

А на базаре пермский говорок,
Как трын-трава и заплутавший слог,
Словно душа бродяги нараспашку.
Рассыпан, как из короба горох,
А будь я помоложе, я бы смог
Его, как речку, переплыть вразмашку.

Как в стих пытаться слово уложить,
Не уезжать, а жизнь в Перми прожить,
Перевернув истории страницу.
Здесь Заратустра с нами говорил.
Здесь медные шурфы старатель бил.
Здесь Воронихин созидал столицу!

Поэмы этот город заслужил.
Он ждал её и в бубен неба бил,
Дороги перебрасывал за Каму...
Попав сюда – отсюда не уйдёшь,
Куда не ткнишь – в Россию попадёшь,
Пермь – пуп земли! И спорить я не стану.

РУССКАЯ ПАРИЛКА

Кричу, словно солдат в аду:

– Прибавьте, черти, жару!

Иначе я с полка сойду.

Мне не хватает пару!

– Топилась баня шесть часов,

Подуй – облезет рожа!

– То для «щенков», а для отцов

Ещё охапку можно!

Ну, наконец-то я готов,

Ковш браги мимо глотки.

Тюленев или Тюленёв,

Но оба самородки!

На кумпол бросив кемелёк,

А руки в рукавицы,

Сгибаю веник, как дымок,

Размачивая вицы.

Ну, всё! Поехали! Пошли!

Не плачьте, половицы.

Мы не касаемся земли,

Как огненные птицы.

Хозяйка, выгибая стан

Точёный и змеиный,

Благоухая сквозь туман,

Заварит чай с малиной.

ОДА РУССКИМ ПЕЛЬМЕНЯМ

Из липы выдолблю корыто,
На круге сечку заточу,
Потом в ледник, где с глаз сокрыты
Три туши – мяса нарублю.

Немного от медвежьей ляжки,
Кусок побольше – от лося,
От кабана, что толще Дашки,
Сколько потребует душа.

Кровавые пласты в корыто
Швырну! И сечкой сверху: «Кха!»
Под гильотиной плодовито,
Клокочет красная река.

Щепотку перца, следом соли,
За луковицей лавра лист.
Не жди... всё посочится вскоре,
Пока в корыте фарш лежит.

Супруга раскатает тесто,
Нарежет рюмочкой круги.
На всех гостей, куда тут деться,
Щиплю пельмени в две руки.

А дочь на холод их выносит,
Жена следит за кипятком.
Уж водка, распуская косы,
По штофу ходит босиком.

В тарелке вздрагивает студень,
От страха лопнул помидор,
Слюну на грудь роняют люди,
Пельменный проводя собор.

Но вот ударил дух упругий
Из кухни, ноздри разодрав,
И всяк двуногий и двурукий
В единый превратились сплав.

Никто не видел, как шумовка
Ловила белых лебедей,
На блюдо их, швыряя ловко,
На дно ныряя за людей.

А штоф уже пошёл по кругу,
И водка, и вино лилось,
Пока я что-то вякнул другу,
Над нами блюдо пронеслось.

Секунду над столом зависло,
И в самый центр с разлета, — хрясь!
Пар дыбом встал, как мысль из смысла,
На лампочку облокотясь.

Поехало, пошло веселье,
Звенели рюмки и ножи,
И вилки острое движенье
Моей коснулось бороды,

Но траекторию закончив,
Вонзилась с радостью в пельмень,

Он над столом взлетел, как кочет,
Любимец русских деревень.

А я его сначала в уксус,
Затем в горчицу, майонез.
Потом на зуб... Он сразу душу
Наружу выставил, подлец.

А где душа, там наша песня,
Как пламя вьётся над столом.
Всего-то водка, фарш и тесто!
А словно короли живём.

ГРОМ НЕБЕСНЫЙ

Мир, раскопанный на грядки:
Сельдерей, укроп, петрушка...
Значит, будет всё в порядке,
Александр Сергеич Пушкин!

Значит, будем строить планы
На осеннее житьё.
Разливай огонь в стаканы,
Чтоб не съело комарё.

Выпьём и закусим строчкой,
Той, которая бойчей.
И не запятой, а точкой
Защитимся от речей.

Помолчим, на луг посмотрим,
И на садик-огород.
Окна в горенке зашторим.
А над крышей Верховод

Прогремит в своей телеге,
В грядки молнии воткнёт.
По ранжиру, как в аптеке,
Первый ливень разольёт.

Мы с ногами заберёмся,
Словно в детстве, на диван.
Подождём, Ирина, солнце,
Как с халвою караван.

Завтра всё равно наступит.
Люди выползут на свет.
Гром небесный не погубит
Нас с тобой во цвете лет.

Катерок бежит по Каме,
Катерок везёт меня.
Мимо папы, мимо мамы,
Мимо завтрашнего дня.

Догорает день вчерашний
За Кудыкиной горой.
Чайка, падая отважно,
Зависает над водой.

Я за борт бросаю пряник –
Пусть размочит и сожрёт.
Правый берег после пьянок
Ствол смертельный наведёт.

Взвизгнет в поле пилорама,
На курок нажмёт стрелок.
Пряник с чайкой примет Кама,
Похоронит между строк.

Мимо мамы, мимо папы,
Мимо дорогих могил...
Катерок как на эстампе
Между двух эпох застыл.

МУКИ ЛЕТА

Листья падают на землю,
Листья плавают в пруду...
Что ни даст, Господь, приемлю.
Сбросит с неба – подберу!

Мир последними лучами
Муки лета озарит.
Баба выскочит из бани
И... в ручье вода вскипит.

Станут дни ещё короче.
Брошу вверх рябины гроздь.
В дом войду за миг до ночи,
Как по шляпку в стенку гвоздь.

Эй, хозяин, где стаканы?
От локтей прогнулся стол.
Притащите на аркане
Деревенский мюзик-холл.

Будем пить и веселиться,
Впав в «задумчивую лень».
Будет спирт в стаканы литься
В честь забытых деревень.

Но зачем сейчас об этом,
И об этом, и о том.
Чокнемся с ушедшим летом
И по небу уплывём.

УДАР МОЛНИИ

Ирине

Ты не искала, не просила,
Огонь небесный не звала.
Но что-то там, в верхах, смутила...
Как волос, молния-стрела

Упала в августе-июле,
Когда варила ты кисель.
В раскатах грома утонули
Огни ближайших деревень.

Огонь развёрнутый, как знамя,
Пронёсся около меня.
Ты изумлёнными глазами
Взглянула из столба огня.

Смотрела целое мгновенье,
Чугунным тучам вопреки,
На это вот стихотворенье,
Пока стекал огонь с руки.

О страхе говорить не повод,
Укол был не больней шипа.
Та молния попала в провод
И разлетелась, как щепя.

КАЧЕЛИ

Качели нашей юности взлетели,
Чтоб в небесах остаться навсегда.
И мы с тобой не то чтоб не успели,
А просто не пришла ещё пора.

Но память возвращается качаясь,
Как маятник, летящий мимо глаз.
Я каждый раз за свет любви цепляюсь,
И плачу вслед, и думаю о нас.

* * *

Свет сочится сквозь листву,
Словно в ситечко водица.
Льётся, льётся по лицу...
Льёт, но не даёт напиться.

Плечи, щёки и глаза
Чувствуют движенье неба.
Богатырская гроза
Превратилась в море хлеба.

Снег выдохнул сплошное слово – ЛЁД!
Осел и умер. Ласточки к нам в сени...
А с книжной полки Бунин и Есенин
Приветствуют проснувшийся народ.

На улице зима наоборот.
Бегут ручьи, словно коты, по жести,
Их солнечной гребёнкой против шерсти
Разбуженный причешет небосвод.

Как хороши подснежники весной
У речки или в роще на припёке!
Не пишутся, но оживают строки
По-русски с неизбывною тоской.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

В пуп земли ударил посох,
Колыхнулась неба ртуть.
Инок Прохор принял постриг
И пошел на Божий Суд.

Богоматерь – язва бесов,
Начертала твёрдый путь.
Выбежал медведь из леса
Руку странника лизнуть.

Серафим – духовный пламень,
Простирая руки ввысь,
Сутками стоял на камне
И молился... Ты, молись!

За солдат и за державу,
За простых людей ея.
Чтоб стяжать любовь и славу
Всенебесного Царя.

Солнце – крохотная свечка
По сравненью с Божьим днём.
Бьётся тихое сердечко,
Молит Серафим о нём.

Кит копает океаны,
Птица небо бороздит.
Строят человеки храмы.
Рядом бродит Вечный Жид.

Но пустынного иконка
От напастей защитит.
Разобьётся разум звонко
Об иконку, как об щит.

Ибо душу не насытит
Запах васильков и роз.
Свет богомоленья видит
Только Иисус Христос!

ЗРЕЛОСТЬ

В поэзии я был солдатом,
Как в армии был рядовым.
Бил в морду и ругался матом,
И думал, что на том стоим.

Но мир стоял на русской Вере,
Что наполняет небом грудь.
Я в троицу другую верил:
Авось, Небось да Как-нибудь.

Но молодость, как всё, проходит,
И зрелость ей вздыхает вслед...
Но всех красавиц и уродин
Дороже сердцу белый свет.

Но всех сокровищниц и кладов
Дороже родина и честь!
Ну, что ж ты, милая, не рада?
И ты мне дорога, что есть.

Всё дорого и всё любимо:
И слякоть в небесах равнин,
И слёзы, что текут от дыма,
Смывая журавлиный клин.

КРУШЕНИЕ

Дрожь по составу пробежала,
Как бы по коже бегуна,
И, оттолкнувшись от вокзала,
Гонимый силой колеса,

Помчался, набирая скорость,
Набитый русскими людьми.
А я торчал в окне по пояс,
Кричал: «Красиво, чёрт возьми!»

И взял уродец преисподни,
Нарушил ход людских судеб.
Откос! Удар! Погибли сотни,
Беспечно, как Борис и Глеб.

Как нитку, разорвало рельсу
На повороте бытия...
Ногтями вырежу я дверцу:
– Ну, здравствуй, Родина моя!

ШКОЛЬНОЕ ФОТО

На школьном фото, на крыльце тесовом,
Спрессовано десятка три судеб.
В сапожках из кирзы, в мундире новом
Я впереди, как на подносе хлеб.

Тогда любой денёк был ярче вспышки,
Которой нас фотограф ослепил.
И сопоставить смотровую вышку
С Олимпом – не хватало детских сил.

Иначе б знали: кто в бою погибнет,
Кто, как Чапай, до нас не доплывёт,
А кто при жизни, словно лист, поникнет
И в никуда однажды забредёт...

Я вырву белый клочок из бороды,
Как омертвелый куст на склонах дальних,
Я до сих пор на фото впереди,
Все тот же школьник слов первоначальных.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

А старых солдат
С каждым годом всё меньше,
Как старых посёлков
И деревень,
И остаются холодные бреши
В потоке
Куда-то спешащих людей.
Венок
На холодные прутья повешен,
Железом
Гремят на ветру лепестки,
Гуляют в родной стороне сквозняки...
Никто не забыт,
И никто не утешен!

ВДОВА

На свежий дёрн накрошит хлеба
Вслед за молитвой: «Дажь нам днесь...», –
Чтоб чаще опускалось небо,
Чтоб чаще птицы пели здесь.

И долгий взгляд, безбрежный, вдовий,
Вслед за дыханьем из груди...
И сердце – чёрный сгусток крови,
И только память впереди.

КОЛЧАКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Окопы адмирала Колчака,
Заросшие травой и забвеньем...
Здесь кровь лилась большим стихотвореньем,
А в памяти осталось: ТЧК.

Родился я на левом берегу,
Неподалеку от былых сражений,
Всё детство не вставали мы с коленей –
Искали пистолеты и казну.

Как Белое Движение – туман
Стоял над Камой. Вороны кричали,
И кости безымянные трещали
Под пятками безмозглых басурман.

Погибшие за Родину и Честь,
Плывущие давно в литейских водах,
Увядавшие травой в чужих народах,
Нам ниоткуда посылают весть.

Окопы адмирала Колчака
Ещё хранят в себе солдатский пепел...
За красных пил, а вот за белых не пил,
Налью стакан... А дальше – ТЧК.

Вот детства моего граница –
Противотанковые рвы,
И хищная большая птица
Взлетает тяжело с горы.

Там, где лежала тень пехоты.
Я слышу в травах голоса,
То плачут вдовы и сироты,
Солёная блестит роса.

Мы слишком много потеряли
И слишком мало обрели...
Лежат кровавые скрижали
На сердце матушки-земли.

Не торопите время, дети,
Узрите родину свою,
Успейте ей сказать: «Люблю!»
На этом свете.

Воздушное оружие –
Пиканы,
Снаряды на черёмухе растут,
Бьёшь очередью так,
Что гнутся рамы,
И раньше времени
«Бойцы» мои встают.
По улицам чумакая дружина
Сочится,
По-разбойничьи свистя,
Бить змея –
Ибо в змее вся причина.
Что хочет Бог,
То ведает дитя.

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДКА

Деревянный скачет конь
По накатанной дороге,
Береги, прохожий ноги,
Только скакуна не тронь.

Это скачет он за мной
Из приснившегося детства,
Там, где маленький герой
В битвах закаляет сердце.

Мчит, над гривой наклонясь,
На врагов взирая строго,
То он пахарь, то он князь,
Все таланты в нём от Бога.

Где-то ждут отец и мать,
Деревянная лошадка!
Упоительно и сладко
К дому отчему скакать.

* * *

Уткнётся лошадь
Тёплыми губами
В моё плечо,
Огромный глаз
Заполнен облаками,
Рекой ещё,
Отцовским домом.
Лесом, ветром, ранью,
Десятком дач,
Моим лицом, слезами,
Русской далью,
Летящей вскачь.

ЮРКА

Мы Каму с ним переплывали,
Хлебали воду, словно борщ,
Потом с той стороны орали
Во все мальчишескую мощь.

Взрослели... Прыгая на пристань,
Когда отчалил пароход,
Вдруг утонул он, как-то быстро,
Не смог спасти его народ,

Которому авоську пива
В буфете Юрка прикупил.
Не мучался. Погиб красиво.
Красивым он по жизни был.

Я не поставил Богу свечи.
Не знал о смерти ни черта...
А рядом ангел пас овец.
У нас красивые места.

ТАНЦПЛОЩАДКА ДЕТСТВА

Танцплощадка в леспромхозе,
Есть гармошка – нет огня!
Здесь, как зека быют на зоне,
Били втёмную меня.

Кулаки в лицо врезались,
Я зубами скрежетал,
Как бы парни не старались,
Я на помощь не позвал.

Разве мог я лажануться
И признаться, что слабак,
Я ей шибко приглянулся?!
Или просто думал так.

А ребята знали дело,
За дружка мальчишке мстя,
С ним ушла, хоть не хотела?!
Или так подумал я.

* * *

Предел малой родины
Необозрим,
Исчеркан дождями косыми,
В больших городах
О земле говорим,
В которой мы были большими.
Но ежели ты
В городах занемог,
То с камнем
Не стоит тягаться,
Спасёт тебя свежего ветра глоток,
С землёй запоздалое братство.
И снова
Отец отрезает ломоть,
Что пахнет трудом и простором,
Родная земля
Прилипает, как мёд,
К ладоням и разговорам.

ЗЕМЛЯКИ

Всё в трудах и в трудах,
Что ж к ним в душу влезать.
Летом им сенокос,
А под осень – картошка.
А стихи? – что стихи,
Им стихов не читать,
Может, в школе когда-то
Читали немножко.
Кто-то с выпаса гонит
Тяжёлых коров,
Кто-то крикнет:
– Привет! –
И захлопнет окошко.
Но без них у меня
Не бывает стихов,
Как у них без дождей
Не родится картошка.

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

На родине моей в девятой школе,
Отдали под музей начальный класс.
И закупили тюлевые шторы,
Развесили нас в профиль и анфас.

Поэт, биатлонист олимпиады,
И средний чин из президентских сфер,
Мы трое проучились здесь когда-то:
Тот октябрёнок, этот пионер.

Лишь я один – ни сено, ни солома,
И видит Бог, нигде не состоял.
Но вырван был поэзией из дома,
И вот... музейным экспонатом стал.

МОЛЕВОЙ СПЛАВ

Раздавлен берег золотой,
Вода отравлена корой,
И рыба прыгает на берег,
И трактор
Весь в тросах,
Как спрут,
И гусеницы землю рвут,
Природа никому не верит.
И шлёт на недругов мошку,
Впивается комар в башку,
Гадюка корнем притворится.
Нет-нет да пропадёт топор,
Схоронит человека бор,
А то беду накличет птица.
А мы-то с мировым умом
Никак природу не поймём,
С размаха рубим сук могучий –
На том суку наш дом стоит,
И отрок по лугам бежит,
И дождь идёт из хлебной тучи.

ЭКОЛОГИЯ

Что в небе? –
Название птиц.
Что в поле? –
Название ржи.
Мазутом по шубкам куниц
Ударят разведчики лжи.
Все стоки к потомкам текут,
Топя человеческий стон,
И гады земные ползут
Из наших забытых имён...

В лесу уральском, словно князь,
Живу один в дому.
Осенняя замёрзла грязь
В столице и в Крыму.

Колю дрова да печь топлю,
Да слушаю ворон...
Хотя я чёрных не люблю,
Они со всех сторон.

Идут на лес за ратью рать,
Летят за клином клин.
Мне лучше бы о том не знать,
Чтоб не было причин.

В подклети выкопать обрез
И в ствол загнать патрон,
Забыть про кров и зимний лес
И преступить закон.

И расстрелять всё в пух и в прах,
И порох, и картечь,
И напрочь выжечь рабский страх,
А душу как сберечь...

НА ВЕРАНДЕ

Как ладони, листья льнут к стеклу,
Холодно уже лежать в кровати,
Горстку мух, замёрзших на полу,
Замечает острый глаз, некстати.

Горки помидор и чеснока
На полу, столе и на скамейке,
У печурки клюшка старика,
Тень его метнется к телогрейке.

Принесёт дрова, затопит печь,
В котелке брусничный чай заварит,
Свежим чаем душу не обжечь,
Ну, пора вставать, валяться хватит.

Скрипнет половица у окна,
Сразу отзовется у порога.
Вроде бы, бескрайняя страна,
Да по ней короткая дорога.

КАТЕРОК

Катерок причалил к пристани.
Кто зазвал его сюда?
Проплывают мимо быстрые
Непутёвые суда.

Чалочку на кнехт набросит
И стоит в дыму матрос,
Курит – есть и пить не просит,
Как у русских – малоросс.

Эх, матросик, в стельку пьяный!
Что тебе речной Устав?
Самогона океаны
Мозг штурмуют по утрам.

Выпил, чтоб опохмелиться,
И отчалил в край любой.
За кормой волна катится,
Закипая за кормой.

Капитан в штурвал вцепился,
Пальцы, словно когти льва.
С кем твоя гуляет львица –
То ль супруга, то ль вдова?

Норд наждачною бумагой
Полирует небоскат.
Мы бежим под русским флагом
То вперёд, а то назад.

СЫРАЯ НОЧЬ

Сырая ночь, сребрятся тополя,
Как будто алюминием облиты.
Гляди хоть час, не выглядишь поля,
Печальные поля моей планиды.

Щепоть махры в колонку новостей
Засыпь и прикури от русской печки.
Кури спокойно и не жди гостей,
И даже той... чей свет живёт в сердечке.

Хотя, быть может... Вспыхнул огонёк
От катера, бегущего по речке.
О Боже, как я нынче одинок –
И на Руси, и в девичьем сердечке.

РОВЕСНИК

Мой ровесник с молотком в забое
Добывает с атомом руду,
А другой ровесник мой в запое,
Перепил давно чертей в аду.

А ещё космический ровесник
На канате в небе, как брелок.
На него не напасешься лестниц,
Прицепил его к орбите Бог.

На ножах ровесник бьётся с братом,
За спиной у каждого свой флаг...
Мой ровесник в славном сорок пятом
Водружает знамя на рейхстаг.

Много их, и злобных и весёлых,
Мудрых, гениальных, озорных,
Что родятся в городах и сёлах,
Словно пули, попадают в стих.

Лишь один из них душе понятен,
Что распят врагами на кресте.
Он, как русский космос, необъятен
И звездой горит в моей мечте.

Он босым идёт по внешним водам,
Пьёт до капли чашу бытия.
Он, как бич – стадам. Пастух – народам.
И ровесник наш, как ты и я!

ТОВАРИЩУ

Потерялся где-то за кордоном,
Став адептом четырёх сторон.
Где ты нынче держишь оборону?
Или просто гонишь самогон?

Там всё кисло: и слова, и лица.
Хлеб чужой, и деньги, и вино...
Вот и наша славная столица,
Как «Варяг», сама легла на дно.

Дует ветер с моря-океана,
Гонит на глаза мои волну.
В полночь лезут бесы из тумана
И кошмары мучают жену.

Ты летал на винтокрылом дыме,
Пробивал навывлет синеву.
Если спросят:
— Где живешь, родимый? —
Скажешь:
— В небе! — Я тебя пойму.

До сих пор тебе я, братец, внемлю,
Раньше б после боя расстрелял.
Опускайся на родную землю,
Я один среди врагов устал.

УСТАЛ НЕМНОГО

На бреющем ломает воздух шершень,
И я устал от глупости и женщин.

От митингов и шумного кагала...
Не стар я, други, но душа устала.

Хотя держу за голенищем нож,
Перо за ухом, а в кармане грош.

Под срубом – боевые рукавицы
И карта государственной границы.

Не стану слабонервных устрашать,
Да и не всё о русских надо знать

Врагам и тем, кто ловит вражье слово...
Устал немного – что же в том такого?

ДЕРБЕНТ

Вот город-крепость, баня, минарет.
Уходят стены на сто метров в море,
На оных стражники в береговом дозоре,
А им без малого уже пять тысяч лет.

В шелках плывёт верблюжий караван,
Монголы, персы, чурки и сельджуки,
Здесь то и дело брали ноги в руки,
Кто не успел, тот попадал в зиндан.

Сюда добрался с Чусовой один
Поэт, уже трепавший гриву славы.
Не термы римские, где женские оравы,
Его из снежных вырвали долины.

Не площади с невольничьим базаром,
Не мраморные капища богов, —
Всего-то пара или тройка слов,
Что здесь досталась просто так, задаром.

Покуда есть бумага и перо,
Пегас вмерзает в небеса крылами.
Между хребтами гор и городами
Поэта носит Божье ремесло.

В ГОСТЯХ У РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Спустились русскою ватагой,
Гуниб оставив за спиной...
Нас три часа ждал сам Гамзатов,
Орёл с седою головой...

Сев во главе стола, как Будда,
Он очертил незримый круг
И речь повел легко и мудро,
Как старый и надёжный друг.

Наполненной коньячной рюмкой
Он нас из круга вызывал.
И я напористо и гулко
Ему свои стихи читал.

Кто б что не говорил – легенда!
Советского Олимпа бог!
Я так сказал, и это – верно,
Как то, что много выпить смог.

За дружбу, за Кавказ, за славу
России и за тех, кто смел,
И за поэта, что по праву
Здесь во главе стола сидел.

БЕСЕДКА БАРЯТИНСКОГО В ГУНИБЕ 1859 г.

Вот здесь Барятинский сидел,
Курил ореховую трубку,
И дым, похожий на голубку,
Летел в неведомый предел.

Глаголили кто как умел,
И понимали, как умели,
И я на камень тот присел,
Он камнем был на самом деле.

Пред ним с мюридами Шамиль
Стоял, как демон покорённый,
Прозрачней водки, воздух горный
Раздвинул над Кавказом ширь.

Судьба имама решена.
Почётный плен. Калуга. Мекка...
Смотрю из бешеного века
В тот век, где родилась война.

Не пересохла Валерик,
Доносятся слова молитвы...
Остались древние обиды
И долгий, долгий вдовий крик.

По склонам гор течёт эфир
Прозрачной голубой лавиной,
Над Родиной необозримой
Из дыма ткётся хрупкий мир.

ПРОЩАНИЕ С ТУРКЕСТАНОМ

Прощай, советский Туркестан,
И солнце белое Хивы,
И шёлковый твой караван,
Песок, верблюды и ковры.

Прощай, узбечка Халима,
Ты мне читала на фарси,
И таяла во рту халва,
Как снег весною на Руси.

Прощай, золотая Бухара,
Уже отрезанный ломоть,
На Север мне давно пора,
А ты сама здесь коноводь.

Европа, слаб твой стебелёк,
Твой колос плесенью объят,
Но я вернусь к тебе, восток,
Я слишком долго пил твой яд.

АЗИЯ

Тарантул, а затем змея
Переползут дорогу.
Змея для чаши Бытия
Яд отдаёт свой Богу.

Гремит, словно карьер, гюрза,
В воронку время льётся.
И это Родина моя,
Мои луна и солнце.

Остановились — Азия!
И расстелили скатерть,
Поставили кувшин вина
В центр мировых объятий.

До звёзд взлетел земной песок,
Закрыв родное небо,
Клубится запад и восток
Вокруг вина и хлеба.

УХОД ИЗ АЗИИ

Уходят русские, уходят
От винограда и чинар.
Уносят русские, уносят
Терпение и Божий дар.

Без них и Родины лишили,
Земли, где полегли отцы.
Так братья младшие спешили,
С началом не сошлись концы.

Да, мы тоннели били в скалах,
Дабы хватило всем воды.
Ушли, а за спиной остались
Ракетодромы и сады.

Столицы, университеты,
Безбедное житьё-бытьё,
Орёл и решка у монеты:
Две стороны – одно литьё.

Нам в спины гнусное кричали,
Камнями падали слова,
Как сквозь шпигрутену нас гнали,
Зато в следах росла трава.

Деревья. Щебетали птицы,
Но я об этом говорил.
Вы наши позабыли лица,
Я слово «дружба» позабыл.

Прощай, советское застолье,
Содружество литератур.
Как никогда, сегодня больно,
Что хочется уйти в загул!

Живите, как Господь положит,
Своим умом, своим трудом,
А старший брат вам не поможет,
Он строит заново свой дом.

Чужая речь у врат Стамбула
Очнётся в имени твоём,
Как падишах, упав со стула,
В шелках забьётся водоём.

Плывут малиновые фески
Вдоль берега и корабли,
Чужие ты грызёшь орешки,
А я гуляю на свои.

Я не чужой в чужом народе,
Люблю печальный скрип зурны.
Опять Восток у русских в моде,
Вкусны данайские дары.

На турецком утёсе безмолвно стою,
Как маяк, что уже не указ кораблю,
Спутал волосы ветер с Босфора.
Топит белую гвардию варваров вал,
Стеньке Разину дарят дамасский кинжал.
Лжепророкам – разбойник опора.
Византия...

Царьград...

Мусульманский Стамбул

Пол грядущей России одел и обул,
Взор потупили злые гяуры.
Не садятся за вёсла, не рвут паруса,
Русский посвист не гнёт, словно лук, небеса,
Расклевали картечь куры-дуры.
А казацкую пику сожрал дымоход,
А казацкую шашку сгноил огород,
Растрепали папаху младенцы...
Только в древней руке полыхает чубук,
Да стремятся глаза, словно птицы, на юг,
Где галдят про своё иноверцы.

ЦАРЬГРАД

Царьград оставил только гул,
Константинополь только стены.
Въезжаем в нынешний Стамбул,
Съезжая с мировой арены.

Я обопрусь о минарет,
Будто о посох старый дервиш.
— Аллах велик! — сказал поэт.
И, как поэт, поэту веришь.

Велик и мой родной язык!
Со мной здесь говорят по-русски.
Что сделал с вещмешком мужик —
Не сделали флота и пушки!

Прощай до лучших дней Босфор.
Мне жаль, что здесь Есенин не был...
Когда б он свой разбил шатёр,
За морем рос бы русский стебель.

АКМ – 7,62 мм

М. Т. Калашникову

АКМ – оружие перемен,
С ним и террорист и пограничник,
Из него, хоть стоя, хоть с колен:
– Гюльчатай, открой усатый личик?

Мутный Пяндж впадает в грязный Рейн,
Логика политиков бесспорна...
С АКМ мелькнул пуштун: «Ты чей?»
– Горный я суннит, – ответил гордо.

Славен в мире русский автомат!
Натовская перед ним винтовка
Не страшней, чем бабушкин ухват,
Хоть и у ухвата есть сноровка.

Полюбился людям АКМ,
Слышу лай его за океаном...
Настоящий, слава Богу, нем,
Созданный для армии иванов.

СЛОВО

Вот, поди, разберись, где хлеба, где полова,
Где гранит, где болото...
Далеко отбежала Российская мова
От Державного брода.

Потекли по России монголы да турки,
Всё не русские реки.
Казаки, где же сабельки ваши да бурки?
Лезут в окна абреки.

Иноземных глаголов блудливая челядь
Срежет ваши лампы.
В силу славы казачьей никто уж не верит:
– Это всё прибабасы...

Нет, не всё... Потому что по русскому полю
Скачут – Аз, Буки, Веди.
Нет не всё, потому что за русскую волю
Гибнут русские дети.

Едем Тавридой, устал экипаж,
Крепость мелькнула... И вскоре...
Вот перешеек! Слева Сиваш,
Справа Азовское море.

Если до боли зажмурить глаза,
Увидишь в тени генуэзцев –
Красноармейцу по горло вода,
Белогвардейцу – по сердцу.

Бьются товарищи и господа,
Не на кого положиться...
В колчане ржавеет морская вода,
Тихо стрела шевелится.

Мелкий ракушечник, берег пустой,
Ветер нагайкою свищет.
Многих хозяйка взяла на постой,
А не успокоятся тыщи.

Выпили водки, нажали на газ,
Тени остались в дозоре...
Справа, как раненый, стонет Сиваш,
Слева – Азовское море.

НА ЗАТОПЛЕНИЕ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ

У моря завывает волк
Штормами горя.
Ведь не один вместился полк
Под крышей моря.

Сошёл с ума наш водолаз,
Как мне сказали,
Когда узрел стоящих вас,
Как на вокзале.

Стою и с морем говорю,
Жена подходит:
«Ты не в себе?» – «Ах, мать твою!» –
Жена уходит.

Не обижайся на меня,
Осколок страсти.
Но не сбивай на склоне дня
Мечту о власти.

Когда-нибудь нерусский строй
Потопит русских,
Я должен знать, как под водой
Наростить мускул.

Чтоб выйти, чешуей горя,
Из волн на берег,
И чтоб осталось только «бля»
От всех «америк».

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Господа офицеры!
О вас я вспомнил в Крыму,
Где помер Волошин,
За тех и других помолившись.
Где, выйдя из моря,
Такую увидишь «корму»
Не пеннорожденной –
И рухнешь,
За сердце схватившись...
О, Белое воинство!
Бледный вас Конь не унёс
За горы и реки,
Подальше от милого края,
Где вместо берёзы
Торчит на холме утконос,
Где небо не туча –
Подушка, от плача сырая.
Вы выбрали сами
Нерусскую эту красу,
Дроздовцы! Корниловцы! –
Рать убиенных святая...
Но тот, кто вернулся –
Того не прибили к кресту,
Того, кто вернулся –
Вода поглотила морская.
То в чёрной опале,
То в белой кровати ничком
Старушка Европа,
Последний в твоей богадельне.

Но се человек!
Он, заблудший, не может молчком,
И нежно, как внука,
Положит альбом на колени...
Давно это было,
О, как это было давно,
В альбоме сияют
Красивые русские лица,
А ноги ощупали всё
Черноморское дно,
Да верной тропы не нашли,
Чтоб домой возвратиться...

Умирало над морем светило,
Обручившись с поверхностью вод,
Светозарная Божия сила
Гасла в небе, как русский народ.

Я стоял на скале под сосною,
Что корнями эпоху скребла.
За моею спиною, за мною,
Погибала без боя страна.

Я рукою, свинцовой от силы,
Вырвал с корнем клубящийся луч.
И заплел его в имя – Россия,
Словно в конскую гриву... И с круч

Прокатилась имперская тройка,
Расплескав океаны-моря.
Как на свадьбе я выкрикнул:
– Горько!
Горько, горько, Отчизна моя.

Мы на свадебке ноги допляшем,
Подерёмся за первым углом...
Ты, Россия, ведь матушка наша!
Не пои нас кровавым вином.

Звонят под знаменем пророка
Подковы, ножны, газыри.
Кровь пролилась из вен зари,
Чтоб освежить лицо востока.

Кто обнажил огонь в груди,
Тот не заметит хлад вершины...
Седых старейшин вразуми!
Они послушны, словно джины.

«Под небом места хватит всем», —
Заметил сосланный поручик.
Но рухнул, словно камень с кручи,
Кому свою печаль повеем?

Поэт уходит между тем,
За ним мюриды и пророки...
Кому свою печаль повеем,
И кто услышит на востоке?!

РУССКОЕ ЭХО

Придёт пора и нас вспомнят,
Неизданное – издадут.
Словами русскими заполнят,
Всё, что нерусским полнят тут.

Поймут интеллигент и пахарь,
Всё, что не поняли сейчас,
Бросая чепчик, станут ахать
Девицы, бросившие нас.

Мы снова станем русским эхом,
До всех сердец сквозь «Ха!» и «Хмы!».
Мы доберемся без помехи
И выиграем без войны.

По небу белый голубь пролетит –
На древо жизни сядет
Чёрный ворон,
Опять земля
В огне хмельном горит,
И русский стяг
Рукой кровавой сорван...
– Мы победим! –
Я слышу слева крик.
– Мы победим! –
Доносит ветер справа...
Мир, на костях стоящий,
Невелик
И призрачен,
Как верность жён и слава...

В МОЁМ КАБИНЕТЕ

На столе стоит товарищ Сталин –
Белый китель, чёрные усы,
Был моею волей он поставлен
В блеске всей диктаторской красоты.

Рядом фото, где Сергей Есенин,
Загрустивший под осенний свист,
В центре – ваза с облаком сирени,
Чёрный черновик и белый лист.

...Смотрит на меня товарищ Сталин
Оком государя каждый день,
Как на тигель для расплава стали,
А Есенин смотрит на сирень.

* * *

Любое слово невпопад,
Молчит душа,
Как ночь равнины,
Как океанские глубины
Над Атлантидою молчат...

Когда не пишутся стихи,
Судьба страшней чужого флага.
Глядит на мир из-под руки,
Белее смертника,
Бумага.

Гостиница, продутая насквозь,
Прокуренная и прибита матом
К земле... У всей округи – в горле кость,
Зане как мать – поэтам и солдатам.

Где в бороде всю ночь шуршат шмели,
Какие феи жили и злодеи!
Какие васильки на пустырях цвели,
Играли на гармошках Амадеи...

В уме и в памяти выходишь в палисад
И пропадаешь в запахе сирени,
Где листья, словно даты, шелестят
В объятиях моей лохматой тени.

В этой деревне уныло,
Словно никто не живёт.
Кто-то тоскует постыло,
Кто-то без удержу пьёт.

Мучают дети собаку,
Землю швыряют в трубу.
Баба стирает рубаху,
Но неизвестно кому.

Редко земель этих житель
В тусклом окошке мелькнёт,
Тонет у школы учитель,
В луже летит самолёт.

Что мне заморские страны,
Пальмы и жёлтый песок...
Тонет учитель. И странно,
Что розовеет восток!

* * *

На берегу крутом стоишь,
Торопишь облака.
Вдоль берега бежит малыш,
А вслед за ним — река.

А за рекою — стая птиц,
За птицами — свинец,
А там, на берегу, стоит
И видит всё — Отец.

Захолустье – отрада души,
Подступают просторы под сердце,
Бродят калики и алкаши
По дорогам счастливого детства.

Из тумана проступит погост,
Пронесётся с рыдающим криком
Птица вещая – Алконост,
С перевёрнутым девичьим ликом.

Станет тихо и грустно кругом,
Задохнется душа от простора,
Пароход, прошипев утюгом,
Сгладит крайнюю точку обзора.

Не узнаешь, где небо, где ад,
Где земля, где Господнее лоно,
Ангелы или птицы летят
Мимо скорби, печали и дома.

ВЕЧЕРНИЕ ВОДЫ

Осенняя Русь наступила,
В вечерние воды войду,
Бурлит богатырская сила
На Волге, Каяле, Дону.

Звезда под ладонью качнётся,
Пловца на века ослепит...
На дне мирового колодца
От Господа прячется стыд.

В огнях силуэт парохода
Погаснет за ближним селом.
Знаменья летят с небосвода,
Затылок скребёт агроном.

От голода пала кобыла,
Свалил мужика самогон.
Храпит богатырская сила,
Каяла, и Волга, и Дон.

По дурости, не по злобе
Полцарства дают за стакан...
Мелькнёт моя мать на пароме,
А там за туманом туман.

Плыву мимо градов и весей,
Смотрю, как там люди живут.
Христос на Руси не воскреснет,
Ему мужики не дадут.

* * *

А в полях уже вызрела рожь,
Миг всего до скончания лета.
— Для чего ты на свете живёшь?
Кто способен ответить на это?

Кто способен отнять у земли
Тайну в землю оброненных зёрен!
Тени к западу поползли,
Каркнул с камня взлетающий ворон...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

«Уазик» прокатился по листве,
Притормозив. Мы вышли из машины.
День догорал, как уголёк в траве,
Ломался луч в предчувствии кончины.

По ельнику прошлись, березняку
Мы с егерем, охотясь за грибами,
Я передал корзинку земляку
И расчехлил ружьё с двумя стволами.

Вокруг лежала русская земля,
На ней стояли мёртвые деревни,
Манили, звали и кляли меня
На языке, как наше племя, древнем.

Я два патрона опустил в стволы
И наугад их разрядил дуплетом.
Аукнулись преданья старины.
Я выстрелил и не жалел об этом.

Потом упал на жухлую траву,
Вдыхая запах плесени и гнили.
Немногие сегодня наплаву,
Как облака, что надо мною плыли.

Свояк, как жердь, по кличке – Каланча,
Развёл костер, когда слегка устали.
Из родника бутылку первача
Достал, и я разлил её в стаканы.

Мы выпили, немного помолчав,
Ещё достали и ещё разлили,
Не веря больше пламенным речам,
Смотрели вдаль и Родину любили.

ЛУБОК

Навстречу мне несётся тройка,
Ямщик широк, русоволос,
Как он, в санях весь день постой-ка,
Когда, как вепрь, свиреп мороз.

Запляшут в ближних избах крынки,
И вот, взбесившись, коренник
Заржёт на выцветшей картинке
И гикнет с облучка мужик!

Кого оставят равнодушным
Три морды лошадиных врозь,
Сей бег почти полувоздушный,
Что рвёт из стенки вбитый гвоздь.

* * *

Наймусь на лето пастухом
Скакать на мерине лихом
И путь указывать коровам,
Довольным быть судьбой и кровом.

– Который час? – звезде кричать,
Княгиней девку величать,
Картошку печь в золе на ужин
И знать, что никому не нужен.

МУХА

Муха села на мизинец,
Словно сокол на плечо.
Лужу бороздит эсминец
С русским выговором:
— Чо!

А вокруг болотной кочки
Собирается народ.
Комариные сыночки
И пахан сынков — Удод.

Моют косточки друг дружке,
Пишут кляузы в ООН,
Графоманы-побирушки,
Глупые с пяти сторон.

Вдруг от этой камарильи
Просыпаются в Кремле.
Сталин, Молотов, Калинин
Орден присуждают мне.

Только в Кремль я не поеду
Из родных своих болот.
Муха-сокол мне к обеду
Дичь из леса принесёт.

Графоманы сварят яйца
И о лбы их разобьют.
Критик, к строчкам не цепляйся —
Ордена не всем дают.

АРГАМАК

Скачет жеребец по кругу,
В яблоках крутых.
Ржанием зовет подругу,
Иль читает стих.

Стелется по-над травой,
Словно тень от крыл,
Зависая над землёю
В паутинках жил.

Хлещёт царственная грива,
Как державный стяг,
Пересвистнулся игриво
С сусликами — страх.

Сжал Господь летящий ветер,
С громом спрессовал,
И пустил гулять по свету,
Как девятый вал.

Просто в такт ударам сердца,
Скачет аргамак...
И поэт, если взглядеться,
Пишет просто так.

ПЕСНЯ

Как звенит над общими столами
Милый сердцу русскому простор!
Наделила воля голосами
И деревню, и сосновый бор.

Вылетают в окна занавески,
Как жар-птицы ярое крыло,
Не нужны из серебра подвески,
Если есть в гортани серебро.

От избы до полевого стана
Так поют крестьянки – не дыши!
И слеза блестит на дне стакана,
И роса блестит на дне души.

* * *

Ёще грибы в бору растут
И кое-где трезвонят птицы,
Но холода идут, идут,
Как вороги из-за границы.

Нагие, как перед судом,
Стоят берёзы перед снегом,
А нет бы, постучаться в дом,
Поговорить бы с человеком.

НА ПОГОСТЕ

Привет тебе, загробный свет,
Кресты, могилы и оградки.
Мы на слезу, как бабы, падки,
Глотая дым горючих лет.

На этом скошенном краю
Течение Леты не нарушу.
Пока стоишь в живом строю –
И тварям рад, что лезут в душу!

Река пустой баркас колышет,
Шумит над лесом дождь грибной,
И нас с тобой никто не слышит,
Ни Бог, ни царь и ни герой.

Здесь нет антенн и телебашен,
Бурьян – что море-океан,
И русский путь совсем не страшен,
Когда ты словом осиян.

И огурец растет на грядке,
Целует солнце помидор,
В деревне нашей всё в порядке,
И прямо за окном – простор.

* * *

В бане умный и дурак,
На полог взойдя парильный,
Как в Эдеме, телом наг,
Жар вдыхает молодильный.

Веник хлещет по груди,
По спине и ягодицам,
В бане милости не жди,
В бане чин не пригодится.

То хрипит в тебе монгол,
То кричит сарматский воин,
Дышит каменка, как вол,
Набухает русский корень!

В избе есть печь и есть огонь в печи,
Щи на столе и горкой калачи,
Хозяйка пред иконами стоит
И мне знаком её крестьянский вид.
С таким обличьем, статью и умом
Была б женой, не думал ни о ком.

О чём так молит истово Творца?
Не замужем, на пальце нет кольца...
Тугая грудь сосцами ситец рвёт,
К такой на руки отрок не пойдёт,
Такую ищут царские гонцы,
И в честь её поют стихи глупцы.

И я один из них. Её волос
Касались только лепестки от роз,
Её знал Рим, неистовый Тимур
Мычал в её конюшнях, словно тур.
Судьба связала многих с ней по гроб,
Возьми любую из разбойных троп.
В её следы впечатались уста
И князя, и кремлёвского шута...
И лишь мужик её не ставил в грош,
Шить заставлял тулуп из козьих кож,
В оглобли вместо лошади впрягал,
Да вместо плётки матом погонял.

Она ж его то балует парком,
То самогоном потчует тайком!

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Волос превратился в серебро,
На дворе пусть не зима, так осень.
Кони бьют копытами крыльцо,
Жениха с невестой выйти просят.

Четверть века пронеслась, как дым,
Из ноздрей лошажьих клочья пара,
Слышишь? К нам стучатся, к молодым,
Дружеская, пьяная орава.

Открывай, зови гостей к столу,
Потчуй разносолами и водкой,
Я слова, как звёзды, собираю
В небесах своей лужёной глоткой.

Всю тебя вмещу в небесный стих,
С кончиков ногтей до детской чёлки,
Слышишь, шторм сердечный не затих,
Как у новобранца в самоволке.

Осуши, любимая, до дна
Чару небывалого размера,
Если в осень ворвалась весна,
Возвратятся птицы к нам и вера.

РОЖДЕСТВО

Сегодня День Рожденья Бога!
Ликует православный люд.
Пустеет винная посуда,
Её в Крещение сдадут.

Не всякий царских врат достоин,
Но каждый искренен и прост,
Кто в русский храм, как божий воин,
Красавицу лесов принёс.

В зелёной хвое утопая,
Она недвижима пока.
Звезда над куполом не встала,
Упавшая с ресниц Христа.

И люди знали и молились,
И друг степей, и гордый росс.
Сильней кровавых уз роднились
Под именем – Иисус Христос!

РЕКА

Вспять река повернула,
Потеснила Творца.
Пуля с фронта вернула
Молодого отца.

Бомба в небо упала...
Под божницей в углу
Мама тьме не шептала,
Не грозила врагу.

Не кричали, не пели,
Не вели хоровод...
И не двигался к цели
Богоносный народ.

Тихо падал на горы
Тот таинственный свет,
За которым ни горя
И ни радости нет.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Женщина смотрит
В страну зазеркалья.
Капает воск
На парчу.

Это такое
Имперское платье.
Женщина
Гасит свечу.

В тёмных углах
Её свет пропадает.
Тени, как волны,
Бегут.

Словно утопшему,
Слов не хватает —
Счастье...
Семейство...
Уют...

ЖИВОТ

Не чувствуя усталости,
Не ведая покоя,
Всего за день до старости
Выходишь из запоя.

И нету сожаления,
Что этот день пройдёт.
Пишу стихотворения,
Ращу себе живот.

В нём мощь моя и сила,
И вековой уклад,
И становая жила,
И место для наград.

Для дружбы я и секса
Открыт, как дверь в кабак,
О чём удары сердца
При встрече подтвердят.

Такой уж мы народец,
Хвалили или кори.
Но всё, что есть, возводим
До дружбы и любви.

СТЕПЬ

О ней мог Шолохов писать,
Такие краски растирая!
Что не прибавить, не отнять,
Как солнце у Родного края.

Полынь – столетняя трава
За горизонтом ищет небо,
И тут и там растут слова,
И хлеб растёт, и люди хлеба.

ТЫ ДА Я

Шли родительской равниной
Ты да я, да мы с тобой.
То с берёзкой, то с рябиной
Говорили вразнобой.

До столицы простиралась
Не захваченная даль,
Много здесь ещё осталось
Из того, что сердцу жаль.

ЛЕТО

На улице гора, а за горой
Откроется равнины панорама.
Летит река подковой голубой,
Даже стрела и та летит не прямо.

А дальше поле, а за полем лес,
А за лесами снова даль без края.
Не помню, с бабы или с печки слез,
Невыносимо мышцами играя.

Отринул двери, обломал крыльцо
И со всего разлёта прыгнул в реку.
Из носа лодки вырвалось кольцо,
Когда она рванулась к человеку.

Я вышел и столкнулся с лопухом,
Упал на холм — на солнышке погреться.
В окошко кто-то женским кулачком
Стучит, стучит, как между рёбер сердце.

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Не чувствую себя отцом семейства,
Мальчишество торчит, как стержень в форме.
Писать и пить! – вот русское блаженство,
Чем рассуждать с трибуны о реформе.

Объятыя перезрелой истерички
Не вызывают бури, а напротив...
Нас любят юные, я помню их косички...
Помилуй Бог, причем же здесь Набоков?

Кому они достанутся такие,
Я изваял их в солнечном тумане.
Как ласточки предгрозовой России,
Они щебечут мокрыми губами.

А впрочем, говорю любой:
– Свободна!
Лети покуда слабых крыльев хватит.
Я поддержу дыханьем осторожно
Ту, за которую судьбой другой заплатит.

* * *

Говори со мной попроще,
По-простому говори,
Словно птицы в дальней роще,
Задыхаясь от любви.

Словно матушка с младенцем,
Медсестра со стариком,
Говори, как если б с сердцем
Говорила ты тайком.

Мне ведь лишнего не надо,
Пусть по-русски льётся речь,
Словно ручеёк вдоль сада,
Сада райского сиречь.

КРЫМСКАЯ ТАТАРКА

Вагон не шатко и не валко
Вокзал оставил за спиной.
По насыпи бежит татарка,
Татарка крымская за мной.

Куда несёшься, дева юга,
С фигурой колкой, как джейран.
Да, ты была моей подругой,
А другом был моим стакан.

Мешал я водку с коньяками,
Первач и лёгкое вино.
И спорил с тюркскими богами,
Когда в стакане видел дно.

Не так, как Жилин и Костылин,
Тебя от скуки привечал.
Я был влюблён в тебя, настырен,
Я на руках тебя качал.

Ты мне, конечно, не сестрёнка
И не законная жена.
— Я жду! — вслед прокричала тонко.
Я знаю, что ты ждать должна.

В Россию катятся составы,
Как слёзы из собачьих глаз.
Прощайте, южные забавы
И девы, любящие нас.

ЦВЕТЫ

Ты стоишь всех моих наград,
Прекрасная Маруся!
Я прыгну ночью в палисад,
В окошко постучуся.

Клубятся жёлтые шары,
Перед окном подруги.
«Петрушка!» – скажет. – «Это ты?»
И встречу протянет руки.

Отвечу, раз пришла пора:
– Не узнаёшь? Ты что же...
Лицо поэта от Петра
Ты отличить не можешь.

Ну ладно б спутала с ведром,
С луной, с шаром в окошке...
А то с дубиною Петром!
Прощай навеки, крошка.

* * *

Задела, как бы невзначай,
В потоке мутного вокзала,
Сказала: «Здравствуй и прощай!»
И в междометиях пропала.

Я сразу тот узнал вокзал,
Как пульс на собственном запястье,
И посреди вокзала встал,
Как вкопанный по уши в счастье.

В душе виденье пронеслось,
Сквозь жар и запах сеновала,
Сердца захлебывались врозь,
Луна лучами трепыхала.

Я ничего не говорил,
Ты ничего не говорила,
Я никого не разлюбил,
Ты никого не разлюбила.

ОДИНОЧЕСТВО

Последние сожгу дрова
И чайник вскипячу.
Последние скажу слова
И потушу свечу.

Я должен быть один как перст,
Чтоб слышать Божий Глас!
Когда горит огонь сердец –
Не отвлекайте нас.

Последние сожгу дрова,
Дверь за собой запру.
Мы ночью постучались в рай
И разошлись... к утру.

ПЛОТИК СЧАСТЬЯ

Тебя раздеть я поспешил,
Всё остальное тоже в спешке.
Достоин я твоей усмешки –
Кто плоть мою, как пса, взбесил?

В итоге что? Река времён
Вот-вот затопит плотик счастья...
Плывут ко мне со всех сторон
Акулы: Анна, Маша, Настя.

РАЗЛУКА

Вот и вымолвил несколько слов,
Вот и вся запоздалая плата,
Лёгкой верой гонима куда-то,
Ты становишься меньше зрачков.

Пусть мой ангел тебя сохранит
В небесах, на воде и на суше.
Воздух, что из-под крыльев свистит,
Может быть, твои слезы осушит.

ЕГЕРЬ

Дождь ударил в лоб картечью,
Как я сам остался цел?
Защитившись русской речью,
Всё же к ужину успел.

На ковёр ружьё повесил
И охотничий кинжал.
Выпил чарку – вот и весел.
Выпил две – жену обжал.

И нашли мы двери рая
Ночью в собственной избе.
Ты уснула. Замирая,
Лунный луч шёл по тебе.

Я открыл окно, чтоб плюнуть...
В проплывающий баркас.
Кто же этот мир придумал,
Где так бабы любят нас?

* * *

Жизнь, как в ушко иголки вделась,
Чтоб сшить бумажные тома...
Их нет! Всё затерялось-делось.
И кудри, как листва ума,

По белу свету разлетелись
Лежать в надушенных платках.
В конвертах... Это бабья ересь –
Оставить перья в коготках.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В углу избы белоголовый
Стоит отец – пять лет ему.
А рядом с бабкой чернобровой
Мой дед! По небу борону

Илья протащит Громовержец!
Он в облаках не заржавел!
Открыла ночка свой ковчежец,
И месяц на небо взлетел.

Но там, где борону таскали,
Прошёл короткий летний дождь.
И зёрна падшие восстали –
Об этом говорил Господь!

ШАШКА

Отец мой крёстный, дядя Витя,
Ковал нам из прутков мечи.
Вооружалась ими свита –
Мои чумазые мальцы.

Мы шли с фанерными щитами,
Зажав сердечки в кулачках,
Через погост, где под крестами
Лежал наш золотой запас.

В окопах дедовской победы
Страну искали малыши.
И от ударов гнулись шведы,
И превращались в камыши.

...Но лирнику под небом юга,
Аварцы шашку поднесли!
Была она, как мысль, упруга,
Как свист, помноженный на сны.

И, оценив чеканку ножен,
Её арабскую резьбу,
Когда клинок был в ножны вложен –
Я внёс, как женщину в избу.

Легчайшая, как в небе птица.
И бледная, как эдельвейс...
Пусть тень военная ложится
На позолоченный эфес!

* * *

Оставь докучный город, приезжай,
К нам на Урал – уже цветет калина!
И в синей дымке нежится равнина,
И шумен птичий караван-сарай.

Как не крути – поэта жизнь мудрей,
Но не стихов, что прожигают сердце.
Не здесь, сейчас – так в памяти моей
Тебе от счастья никуда не деться.

ОБЛАКА

На пергаменте записка,
Ах, как истина близка!
Плыли низко, очень низко,
Плыли низко облака.

Вот река – бросайте сети,
Рыбари, тяните гуж.
Раз пергамент – срочно дети
Очините перья уж.

Выловить необходимо
Вам название страны...
Облака плывут из дыма,
Словно фронтовые сны.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

На доме нашем выросла берёза,
То есть на месте том, где дом стоял.
Куда, набегавшись, я залетал с мороза
И молоко, словно щенок, лакал.

Сейчас здесь ни строенья, ни забора.
Всё растащила дальняя родня.
Со смерти мамы минуло лет сорок...
Ты в небесах не забывай меня!

Солнце мчится навстречу составу,
Разрезают лучи облака.
И шинкуют забвенье и славу...
Между ними простёрлась река.

Ни моста у реки, ни понтона,
Ни объезда, ни брода кругом.
Ни плота, ни баржи, ни затона
С пароходом... Пустыня – наш дом.

Поезд в волнах с шипеньем исчезнет.
Ну а солнце над ним пролетит.
Даже гребень волны не заденет,
Но в реке с отраженьем – сгорит.

ЛЮБОВЬ

Любовь – опасное занятие,
Когда змеей сползает платье,
Являя пару стройных ног.
И тёмн, в то же время светел,
С седьмых небес слетевший ветер,
И яко уголь – любовный слог.

Опомнись! – но глуха природа,
Мы стали кладкой небосвода,
Плывет косметика с лица...
Твои глаза полузакрыты,
Друг к другу мы с тобой прибиты
Тяжелым молотом Творца!

Качнулся лепесток в Эдеме,
Цифирь сменилась в теореме,
Пронзил Отчизну женский крик...
И я открыл глаза... и вздрогнул!
И вновь закрыл, и не отторгнул
Обезображенный твой лик.

В башке тяжёлое похмелье
Торчит, как дедовский топор.
Скрипит железное строенье
Кровати. Двери на запор
Забыл закрыть. Никто не внидет,
А если внидет – выйдет вон!
Всё Богородица увидит,
Не спрячешься, как ночью вор.

А нам и нечего стыдиться,
Мы без одежды, как в раю.
Тебе положено светиться,
Мне с пеплом вылетать в трубу.
Я эту полюбил работу,
Как любит бог огня Гефест
Сдувать с металла позолоту,
Ковать из стрел амура крест.

Я эту полюбил работу,
Как любит лев, медведь и тигр,
Когда выходит на охоту,
Ещё не зверь – звериный рык.
Не закрывайся от объятий,
Восторга смехом не тревожь.
Торчат из-под твоих запястий
Соски – червлённые, как брошь.

Ну, не томи, побойся Бога,
Я не смогу свой огонь сдержать!

Следы дымились от порога,
Пока тащил тебя в кровать.
Нет, я другой, не томный рыцарь,
Скорей разбойник и мужик.
Ты, если птица, то зегзица,
В твоей гортани Божий стих.

О, как мы целовались в губы,
Взасос, до дрожи в небесах.
Так зло лишь Афродита любит,
Теряясь в междометиях.
Я позабыл с тобой другую,
Забуду ли тебя с другой?
Ты обнажённою ногой
Смахнула пену кружевную.

Восторг, помноженный на страсть,
Такие исторгает звуки,
Как будто на речной излуке
Сошелся с хариусом язь.
Уж если нас столкнуло время,
В кровь подмешав любовный яд,
Как Святогор, сто раз подряд
В щель гробовую брошу семя.

Кто может круче написать? –
Пускай напишет... если сможет.
У Президента меньше власть,
Чем у разжатых женских ножек.
Ты словно нитью золотой
К дыханью моему пришита,

Ты хрупкая, как лён и жито,
И до утра любима мной.

Прости, глаголы не сдержать,
Как не сдержать тебя в объятьях,
Посев взошёл, и время жать,
И замывать в колодцах платье.
Стоят над нами облака,
Как рыбыны, уткнувшись в сети,
Внизу подземная река,
В которой гибнут наши дети.

Но думы эти от ума,
А поцелуи от безумства.
Есть только Свет!
Есть только Тьма!
А остальное лишь искусство.

Опять напился, как скотина,
Забыл и родину, и сына,
И дочь, и честную жену.
Посеял смуту — беды жну.

За право выглядеть нелепо,
Я отвратил глаза от неба,
Но не забыл меня Господь,
Иглой под сердце стал колоть.

— Почто напился, как скотина,
Забыл и родину, и сына?
Молчи и мне не прекословь...
Молчал, свою теряя кровь.

Она была неотделима
От дочери, жены и сына,
От родины и от Христа,
И от российского креста.

А ты знаешь, я пить позабыл.
Горько плачет пьянчужек элита...
Уж полвека прожил, а не жил
По-семейному так, домовито.

Потому, что вселенский букварь
Открывается словом «Дорога».
Сыплет охра и киноварь
Из-за пазухи русского Бога.

А мне любо смотреть из окна
На заметы уставшей природы.
Повторяя:
 – Какая страна!
Добавляя:
 – Какие широты!

Здесь родня не мозолит глаза.
Понимает, хотя не читает.
На родных обижаться нельзя,
Потому что родня – умирает.

Тут возьму да и вспомню жену,
Я её до сих пор обожаю...
Не журись, я ещё посижу.
Не сердись, я ещё повздыхаю.

* * *

Ах, давай, любимая, не будем
Говорить о том, что не сбылось.
Ты не станешь об пол бить посуду,
Я рогами стены гнуть, как лось.

Значит, почему-то вдруг не вышло,
По какой-то схеме не сошлось.
За ворота зацепилось дышло,
Не сумели объегорить ложь.

Потому-то, друг на друга глядя,
Вечер просидим у камелька.
Ну не вышло, значит и не надо,
Жизнь под гору – ношенька легла.

Мне стыдно и тяжело;
Как туча, я черен и страшен,
А ты как ромашка,
И взгляд мой тебе ещё важен.
Взираешь на мир
Из-под крыльев отцовских, широких.
Ещё я не Лир,
Но я знаю отцов одиноких...
Смогу ль защитить тебя,
Девочка, в мире продажном?
Где натиск и шторм,
А у нас лишь кораблик бумажный
На коем словесности русской
Скупые глаголы,
Где греки сменили варягов,
А греков – монголы.
А взглянешь на Родину –
Грязи и крови по горло,
Сажусь на обочину...
Слякотно, сыро и голо...
Ступай же, лети!
Не озябни под северным ветром.
Я встал из земли,
И я лягу в следы твои – пеплом.

* * *

Ты на груди моей проснёшься,
Как луч, упавший со звезды,
И так по-детски улыбнешься,
Что вспыхнет клочок у бороды.

Не жаль её — она седая,
Мужского духа забытьё,
И, лунным прахом осязая,
Я притушу рукой её.

Ты ж, говорливая, как речка,
И резвая, как егоза,
Вмещаешься в моё сердечко,
Как в тучу вешняя гроза.

Попрыгунья-олёнёнок,
Изумрудные глаза!
Ты моей души ребёнок
Или сердца егоза.

Топнешь тоненькою ножкой,
Жизнь блеснет под каблучком.
Не любовница, не дочка,
Просто песня ни о чём.

Просто сад, лужок, полянка.
Просто пчёлы и цветы.
Просто от укуса ранка.
Просто... просто, это — ты!

* * *

Свет падает в окно,
Как жёлтый водопад.
От детства далеко
Мой постаревший взгляд.

Хочу облечь в слова
Мерцание души.
Шуршит в саду трава.
Скрипит перо в ночи.

Все пройдёт, любимая, как прежде,
Даже эта смертная тоска,
В полночь я сорву с тебя одежды,
Страсть блеснёт, как в море острога.

Уплывёшь в сердечные туманы,
В запах трав и шорохи листвы...
Зазвенят гранёные стаканы
И заноят боевые швы.

А потом на облачной постели,
Необъятной, как душа творца,
То ли угли, затухая, тлели,
То ли утолённые сердца.

ПОСТОЯНСТВО

Я в юности, одну тебя ценя,
Спросил: «Согласна, выйти за меня?..»
А ты в ответ, весёлая такая,
Всё хохотала, зубками сверкая.

Прошло полвека. У твоих ворот
Я вновь спросил, бельмом в глазу сверкая,
А ты в ответ, весёлая такая,
Хохочешь, распахнув беззубый рот.

В фуражке довоенного пошива,
В штанах на лямках. На груди медаль,
Блестят слова «За взятие Берлина»
Наследство деда – сердцу ширь и даль.

И Родина, и долгий поиск Бога,
И вот стою посередине дня.
И девочка блистательнее слога
Дивится из альбома на меня.

Не защитил от горя и печали,
От перестройки и стыда страны.
Ну почему так долго мы молчали,
И я молчал безумнее, чем ты?

И ВСПЫХНЕТ ПАМЯТЬ

Играет мускулами слог,
Как ток по струнам.
Мне встретиться позволил Бог
С тобой в подлунном.

А значит не в церковный хор
И не на паперть
Влюблённый устремится взор,
И вспыхнет память.

Нет, нет, там не было такой,
С хрустальным телом.
С ромбической бахромой –
Златой на белом.

Ни этих слёз, ни этих глаз,
Ни этих сказок...
Ни эти профиль и анфас,
Ни этих красок.

Нет ни Шекспира, ни Пьеро,
Ни Коломбины...
Есть я и ты – моё ребро,
И гроздь калины.

А значит, осень на дворе
И божьи стаи
Летят в небесном серебре,
Чтоб не растаять.

И, взявшись за руки, взлетим,
Влюбившись слепо.
Мы наши чувства сохраним.
Как птицы небо.

Вы уже привыкли без меня
Жить и думать, радоваться, злиться.
Я смотрю на женщин из окна
Областной клинической больницы.

Многого я в жизни не успел,
Крым вернуть и полюбить столицу.
Сколько песен до конца не спел,
Не разрушил ни одну темницу.

Не пропил последние гроши,
Не сходил в Святую Палестину.
Лоб о гроб Господний не расшиб.
Не сковал клинок булатный сыну.

И Варшаву плёткой не ожёг.
Не привёз Софию из Царьграда.
Много дел придумывать не надо,
Чтоб продлился на земле твой срок.

Вот скажу и с лежбища привстану,
Прикажу здоровью:
— Верховодь!
На глазах затянутся все раны
Потому, что любит нас Господь.

* * *

Ты мне когда-нибудь споёшь
Романсы русского поэта,
Любовь есть высшей пробы ложь,
Хотя и соткана из света.

Мир сотворён, пора взмывать
Не весть куда с Господней длани...
Грешно любовью называть
Всё то, что не случилось с нами.

В неотвратимый день приходит осень,
Сдувая птиц божественным огнём,
Пока мы говорим о том, о сём...
Октябрь сугробы из-за гор приносит.

Дыханье, вырываясь изо рта,
Воздушным шаром взлетает к Богу.
Он лаконичен и подобен слогу,
Ему в Эдем откроет Пётр врата.

А в словаре есть слово «красота»,
Вместившее и жизнь и мирозданье,
Я слышу у плеча твоё рыданье
И шорох тополиного листа...

Закоченели руки от костра
И от печали русского простора...
Любимая!
Мы встретимся не скоро
В стране, где нет начала и конца.

АЭРОПОРТ ОРЛИ

Я с неба Францию увидел.
Встречай, аэропорт Орли!
Поэзии российской житель
Коснулся сапогом земли.

Париж – отрезанное ухо
Ван-Гога в солнечной пыли,
Из горловины, как из люка,
Плескались волосы твои.

Ты выбегала мне навстречу
С цветком цыганским в волосах.
И руки девичьи по плечи
Облизывали – шум и гам.

Не я сказал, что время лечит,
Над бровью щёлкнув языком.
Не я гадал – чёт или нечет,
Чтоб тут же позабыть о том.

Я вижу только то, что вижу.
Мне зренье замутить легко.
Мы поклоняемся Парижу,
Как пьяница – «Мадам Клико».

КЛАДБИЩЕ МОНПАРНАС

Бреду по кладбищу, где отдыхают боги.
Сартр и Бодлер... Своих не нахожу.
Петлюра? – Тьфу! Здесь Александр Алёхин
Закопан в пятьдесят шестом году.

Ушёл непобедимым русский гений.
Его тягчит надгробная плита.
И нет почти деревьев и растений.
Акрополь модный, но и он тщета.

Пусть гения могила неказиста
Под многотонной шахматной доской.
Но «ход конем» у русского туриста
Всегда в запасе – летом и зимой.

Я б ни за что в Париже не остался,
Предпочитаю водку пить в Москве.
Но жалко тех, кто внидя в Божье Царство,
Свой прах оставил во чужой земле.

СЕНА

Плескалась несгораемая Сена.
В Париже, как в Диканьке – вечера.
«Луна взошла совсем, как у Верлена» –
Георгия Иванова строка.

Ручьями речь по галькам растекалась,
Повсюду чужеродная страна.
Ты здесь солдат – солдату не пристало
В походе быть без женщины и сна.

Отринем сон – его вином заменим.
А женщину оставим про запас.
Пусть плоскогруд Нотр Дам, зато колени
Его поклонниц вдохновляют нас.

Нас помнят здесь и даже дарят розы,
Когда услышат наши голоса.
А мы в ответ пьём ваши кальвадосы
И разбиваем женские сердца.

МУЗЕЙ ИМПРЕССИОНИСТОВ Д'ОРСЕ

Ван-Гог, Мане, Гоген с Матиссом,
Тулуз-Лотрек весёлым свистом

Сорвал с натурщицы корсет!
Париж живописуют краски.

Шампанское пью в этой сказке,
А парижане пьют абсент.

Вот в этой гавани я дрался,
Бил англосакса по башке.

Под этим деревом валялся,
Купался с облаком в реке.

Вот здесь в объятьях таитянок
Бананы научился есть...

Мне б убежать на полустанок,
А поезда в Россию есть?

Есть поезда до Орлеана –
Их не отправят никогда...

Не живопись, а Божья рана!
Она кровоточит всегда.

Мне и в Париже одиноко,
Не лица – маски у людей.
Пьёт муж из собственного рога –
Вино измены – дешевле!

Пороли в детстве нас немало,
Поэтому такая спесь.
Все комильфо. Икра и сало.
И с нами – Родина и честь!

Нам Лувр с Версалем по карману,
И океан по башмаку.
Парле франсе?.. – по барабану.
Нет с детства тяги к языку.

БИЛЬЯРД

Я кий держу, как аркебузу,
Шаром выстреливаю в лузу!
Вслед за шаром летит душа.
И от борта с ним отлетая,
Грохочет костяная стая,
Всё на своем пути круша.

Противник молод, но опасен,
Тяжёл, словно создатель басен.
Кий держит, как орёл угря.
Склоняясь над сукном с добычей,
Кий передернул, словно бычий...
Хвост или рог – лицом горя.

Блестят глаза, трещат колени,
Вот выбрал позу. Врезал. Гений!!!
Легли в две лузы три шара.
Здесь славою насыщен запах,
Забудешь о вине и бабах.
Когда идет такая пря.

И если б не был я поэтом,
Я жизнь бы посвятил дуплетам,
И карамболям, и сукну
Зелёному, шарам из бивней
Слонов высоких, словно ливни.
Но выбрал музу я одну.

Хотя и в бильярдном клубе,
Люблю гудеть, как шмель на клумбе,

Среди товарищей моих.
Скользнув по древку кия мелом,
Обставить друга между делом,
А музу раскрутить на стих.

До свиданья, до встречи в Пекине...
Как шарпей, зарычал самолёт,
Пробежав по бетонной равнине,
Вдруг захлопнул клыкастый свой рот.

В той стране фонари и драконы,
Лао-Цзы и товарищ Цзе-Дун.
Под охраною русской иконы
До восточных дотянемся струн.

В самолёте, летящем, не спится,
Под коньяк вспоминаю о том,
Как в наряд вдоль советской границы
Я ходил с молодым погранцом...

Громыхала засовом граница,
Хунвейбины стреляли во мгле.
Но теперь мировая столица
Рада классикам русским и мне!

ПОЛЁТ

Как бумеранг, внизу лежал Байкал.
Прохладу из него туман лакал.

Пока на Анггару смотрел я вниз,
Он поднимался и на крыльях вис.

Турбины надрывались, как рабы.
До стен Китая дотянуть нам бы...

В Пекин далёкий брошен я судьбой.
Как плащ, шумит Россия за спиной.

Я к ней вернусь, когда наступит срок.
Ну а покуда мой полёт высок!

Вместила нас, как птаху – Неба грудь.
Чтоб целый мир мог под крыло нырнуть!

Вот появилась Жёлтая река.
Вот пагода – державшая века.

Так плыли на воздушном корабле,
Как аргонавты, к мировой Стене.

ПОДНЕБЕСНАЯ

Пять звёздочек на красном флаге,
Китай – небесная страна.
Словно по рисовой бумаге
Плывут в Россию облака.

Несутся боевые кони,
Вращают спицы колесо.
Путь Неба виден сквозь проломы
Пунктирами, словно лассо.

Путь человечества не меньше
От стен Китая до Кремля.
У молодых и у старейшин
Одна в Отчизну колея.

Там хлебные лежат колосья,
И полыхает в жилах страсть.
Кому дана накидка пёсья,
Кому дана над миром власть.

День ото дня теряет осень
Минуты света и листву.
Все холодней и чище просинь,
Цзай цзень*! В Россию я плыву.

* Цзай цзень – до свидания (по-китайски).

РИСУНОК ТУШЬЮ

Китайка по имени Ли
Имя втиснет моё в иероглиф.
Её алое сердце продрогло,
Как фруктовая роща вдали.

Переправа с обеда пуста.
На террасе бумажный фонарик.
Чёлка тучи на тын завитая.
Я в рукав докурю свой чинарик.

И заброшу за рисовый холст,
На дорожке, бегущей к утесу,
Навесной где качается мост.
Громяхают тележки колёса.

Ты работай, а я отдохну,
На пригорке у входа в пещеру.
И не слушай мою болтовню,
Говорлив я сегодня не в меру.

Над водой наклонился бамбук,
Как медбрат над поверженным телом.
На тростинке играет пастух,
Цапля чертит по воздуху мелом.

Путник лотос на озере рвёт,
Взбили воду осенние гуси.
Дева слёзы на мельницу льёт
В два ручья из печали и грусти.

Родимая, жёлтые расы,
С пяти наступают сторон...
Какие там к чёрту данайцы
С дарами – данаец смешон!

А русский не хочет плодиться,
В избе, словно птица, свистит.
Словесности русской водица
Ему по усам пробежит.

Сидят на печи повитухи
Да пиво заморское пьют.
Жужжат над старухами мухи,
В окошке качается пруд.

А там старичок на баркасе
Бросает с наживкой уду...
Клюёт, но он рыбу не тацит,
А пьёт из бутылки бурду.

Лишь я, над столом наклоняясь,
Как будто за плугом иду,
С востока подходит китаец
И в душу стучится мою.

Из удальцов был удалец,
Из молодцов был молодец,
Имел силёнку и нахальство
В чужой впрягаться разговор,
Швырять на жён безумный взор,
В яйцо скатать любое царство!

Тонул в вине зелёном ум,
И пир шумел, как леса шум,
И женщина легко склонялась
По падежам. И, как главу,
Он доверял ей булаву
И с ней она не расставалась.

Он забывал тропу войны,
И за врагом не знал вины,
И всех прощал... Впиваясь в губы,
Он слышал звон колоколов,
От трёх сиявших в небе слов,
И медные звенели трубы...

Но на полях черновика,
Уже лежит Его рука,
И затухает праздник света,
На землю сыплется труха,
Гремит забвения река,
Как похоронная карета.

Что держит нас на этом свете?
Пусть кто-то скажет: «Баба, дети.

Дворцы, резные терема.
Романов будущих тома.

Природа, верная работа
Удержит, как движок пилота.

Как взгляд рыбачки – рыбака.
Или тайменя – острога.

Как держит зрителя – буфет.
И пулю – чёрный пистолет...»

Но дети быстро вырастают,
А бабы красоту теряют.

Тома горят, мечте каюк.
Не всё буржую сходит с рук.

А самолёт свалился в штопор.
Рыбак судьбу не так заштопал.

Сглотнула аммонит природа,
И опротивела работа.

И водка кончилась в буфете.
Осталась пуля в пистолете...

Когда смолкает шум дневной,
Восходят на небо светила,
Когда в деревьях
Кровь остыла
И сон витает над страной.
Тогда подброшу в печь
Дрова
И, угли вороша клюкою,
Вас, богоданные слова,
Сжигаю с лютою тоскою.
Как жрец языческий,
Лохмат
И яростен – огнепоклонник,
Грехами смертными объят,
Смотрю,
Как пламенеет дольник,
В прах превращается хорей,
Ямб исчезает и анапест.
Вы, дети бешеных кровей,
Полны восторга
И чудачеств.
Какая светлая стезя –
Хоть миг,
Но быть с огнём на равных...
Гори, гори, моя душа,
В честь дней высоких
И бесславных.

СТРОЧКА

Полвека минуло
И пусть...
Пора собраться.
Мой улей,
Как бумажник, пуст.
Слова роятся.
На Древе Жизни
Рой висит.
Кровит планета.
Но от беды
Один есть щит –
Перо поэта!
Пока оно
Врага язвит,
Без Главной строчки,
Мы можем вымереть,
Как вид, –
Поодиночке.
Но по-другому
Жить нельзя,
Без слёз, без цели.
Иначе в грудь
Вползет змея...
Гей, ротозеи!
Словно в диване
Сталь пружин,
В груди сожмётся.
Уж старость прёт.
Ещё не жил,
А строчка рвётся...

ЮБИЛЕЙНАЯ ПУШКИНСКАЯ МЕДАЛЬ

Наградили медалью поэта,
Звякнет рядышком с сердцем она.
Люди слепнут от горнего света,
Но читают его письмамена.

«Милость к падшим» – завет нарушу,
Но медаль ярче бляхи натру.
Я люблю твою русскую душу,
И твой профиль нерусский люблю.

ОСА

Ветвь рябины мёрзлой обломил,
С гроздьёю чуть осу не проглотил –
Умерла от холода без стопки!
Я осу, как пулю, опустил
В боковой карман своей штормовки.

В дом вошёл, где эту зиму жил,
Где стихи писал и печь топил,
И осу без всяких проволочек
На стихи под лампу положил.
Ожила... и поползла меж строчек.

Значит, миру явлен я не зря,
Растопила небеса заря,
Появился у меня читатель.
Он читает между строк, как я,
Побывав за гранью бытия,
На двоих у нас один Создатель.

ПРОРОК

Ради света идущих веков
Через ложь и проклятия века
Он несёт эти несколько слов,
Что возвысить могли человека.

Но каменья швыряют в богов,
Волчьи ямы тропу обступают,
Люди знать не хотят этих слов
И ему этих слов не прощают.

ПАМЯТИ ГУМИЛЁВА

Убит блистательный Синдбад,
С марксистами вступивший в ссору.
Ах, муза-баба, бей в набат,
Нам не найти впотьмах опоры!

Закопан Блок. Из-под земли
Уж никогда он не узнает,
Что за его Христом пришли
Убийцы! Утро наступает...

С Олимпа тявкнул пулемёт,
Свинцовый разлетелся улей.
В России двадцать первый год
Проткнут штыком, прострелян пулей.

И твой изысканный жираф,
И верный копыеносец тоже
Поймут из африканских трав...
Что у тебя в узорах кожа

От блях и от сапог солдат.
Что они сделали с тобою?
Их внуки на тебя глядят,
Как дети, с тайною любовью.

И в белом венчике из роз,
Как написал соперник светлый,
Тебя поцеловал Христос
Безжизненно и незаметно.

Поднебесная русская ширь,
Где былём поросла, где травую,
Как над речкою скорбный пустырь,
Где стоит обелиск со звездою.

Сколько крови глотала земля,
Сколько вражьих костей измолола,
Что полнеба закроет зола,
Поднимаясь, как птица, с подзола.

Баба в руки лицом упадёт,
Словно выпь на болотах – завоет,
Жалость женщине русской идёт,
Слез её даже ливень не смое.

Потому, что в медвежьих углах,
На языческих Камских просторах
Отражаются души в глазах,
Как в стволах после выстрела – порох.

Со многими орлами был знаком,
И слышал над стаканом птичий клёкот,
Я рос в тайге, а там тайга – закон!
И если ты слабак, то могут слопать.

Сбежишь... легко по следу угадать,
Не важно, волчья шуба или лисья,
Поэтому привык слова ронять,
Как осенью сентябрь роняет листья.

А те орлы, в жилищах городских,
На небеса взирают через стёкла.
Где имена их? Где небесный стих?
И перья вылезли, и горло пересохло.

СОВЕТСКОЕ КИНО

Смотрел с утра советское кино,
Уже не помню имена артистов...
А взял вдруг и расплакался (смешно)
Над судьбами чумазных трактористов.

Они, как дети, чистые внутри,
Таковыми быть их научил Спаситель,
Когда ходил по небу златогрив,
Швыряя свет в советскую обитель.

Душе подай целительный настрой,
И я смотрел без тени превосходства,
Что со страной стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя сиротство.

Я не скажу, что повлиял запой –
Не пью, беру уроки атлетизма.
Я плакал над разрушенной страной,
Упавшей в пропасть с пика Коммунизма!

Я взрослым стал, а взрослым тяжелей
Всё начинать с нуля и не разбиться.
Легко взлетать лишь детям с букварей...
Смотрите, как мы жили – пригодится!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вкусив беспочвенной свободы,
Вернулся в русские края.
Нечистые бежали воды,
Скудела матушка-земля.

Не крикнули:

– Он воротился!

И не сбежалось полсела...
Не грабил ближних и не спился,
И слава добрая была.

Неужто люди позабыли!
И отеклась давно родня!
Кто я, чтоб здесь меня любили?
Кто я, чтоб слушали меня?

ВОСХОД

На холм, на гору,
Выше и скорей,
Пока ещё светило не очнулось,
Не вздрогнул мир
От огненных кудрей
И в божьей твари
Счастье не проснулось.

Скорей, скорей,
Дабы успеть на миг
И ощутить, за шагом пробужденья...
Сейчас начнётся,
Как напор велик!
Не вижу свет —
Но чувствую движение.

ВЗЛЁТ

Прощай, земля!
Блестящий белый гром
Нас унесет за горы и за реки,
Мелькнув в глазах,
Как стая птиц углом,
И человек проснётся
В человеке.

И взглянет вниз,
И потеряет речь,
Но, прозревая,
Наберётся силы,
Чтобы, вернувшись,
Крепче всё беречь:
И города,
 и пашни,
 и могилы...

*46 Тюленевых из нашей округи
геройски пали на фронтах Великой
Отечественной войны, в том числе
и мой родной дядя Пётр Иванович.*

46 Тюленевых в округе
Защищают Родину мою.
46 царя-грузина слуги,
Я их всех по ликам узнаю.

Вот иду, согбенный, по погосту,
Тот и этот – вся моя родня.
Защищать Отечество не просто
С той поры до нынешнего дня.

Я один фамилию размножил,
Вешками расставил по стране.
С вами 46 я жизнью прожил,
Ваша слава остаётся мне!

С криками «За Родину! За Сталина!»
Падала убитая родня.
Нынешними всё на горца свалено,
Значит, и на вас, и на меня.

Но идёт народная стихия,
Словно искра Божьего огня!
46 Тюленевых в России,
46 Тюленевых и я!

ВЫБОР

В небо крик,
Словно крик в полынью,
Не услышит ни рыба, ни птица,
На просторе великом стою –
В Бога верящий, сын коммуниста.

Где твои затерялись следы,
Батя!
Помню отцовскую порку.
– Ни к кому на поклон не ходи,
Не склоняйся ни к овну, ни к волку,

Вот стою, и кудрями трясёт
Тень моя на щите Цареграда.
– За шеломянем русский народ! –
Я скажу, как мой тезка когда-то...

* * *

Открываю тяжёлые книги –
Между строк пробивается свет,
Слышу, цепи звенят и вериги,
И полки поднимает поэт.

Вижу это великое Слово,
Что орде сшибло голову с плеч.
Без тебя – ни жены и ни крова,
Да и родины... Русская Речь!

ПОКА ЖИВА РОССИЯ

Пока жива Россия – я бессмертен,
Пока шепот родного языка
Растворена, как соль в крови растений,
Как в небе голубые облака.

Пока в народной речи есть такое,
Что отвращает иноземный слух,
Пока у словаря лицо рябое –
От пыли, воска и российских мух.

Покуда крона нации в высотах
Отводит гром Небесного Отца,
Лежат слова, как мёд пчелиный в сотах,
Под небесами старца и юнца.

А Россия косит, как косила,
И копёнки носит, как носила,
Трёт плечо верёвкой сырой.
А трава щекочет подбородок,
Как усы щекочут грудь молодой,
На которых скачем мы порой.

Слава Богу, что пока плодимся,
Никого, как видишь, не боимся,
Справно косим каждый бугорок,
Да охапки из лесу таскаем,
К жеребцу кобылку подпускаем...
Подпускаем, коль не вышел срок!

Вышел срок – и полегла пшеница.
Три недели ищут тракториста.
Атом уплывает за кордон...
Что спасает нас? – Пенька да сало,
Зелено вино да бабье жало,
Русское авось да сладкий сон.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тюленев Игорь Николаевич (биография).....</i>	<i>3</i>
<i>О поэте и его творчестве.....</i>	<i>7</i>
<i>В. Коростелева Широк русский человек... (О новой книге Игоря Тюленева, и не только).....</i>	<i>10</i>
<i>В. Бондаренко Напряжённое слово.....</i>	<i>17</i>
<i>Небесная Россия.....</i>	<i>20</i>
<i>«Случайной думой озарённый...».....</i>	<i>21</i>
<i>Ангел-хранитель.....</i>	<i>22</i>
<i>Вера.....</i>	<i>23</i>
<i>Царские врата.....</i>	<i>24</i>
<i>Иисус-младенец.....</i>	<i>25</i>
<i>Рождественское.....</i>	<i>27</i>
<i>Странник.....</i>	<i>28</i>
<i>Вербное воскресенье.....</i>	<i>29</i>
<i>Троица.....</i>	<i>31</i>
<i>«Хоть лежишь у самого порога...».....</i>	<i>32</i>
<i>«Родина! Память твоя глубока...».....</i>	<i>33</i>
<i>«До родины уже недалеко...».....</i>	<i>34</i>
<i>Сельская библиотека.....</i>	<i>35</i>
<i>Фотография.....</i>	<i>36</i>
<i>«Берёзки – сверстницы седы...».....</i>	<i>37</i>
<i>Шаги.....</i>	<i>38</i>
<i>В родительском доме.....</i>	<i>39</i>
<i>«Как дальше жить? О чём мечтать?...».....</i>	<i>40</i>
<i>«Мир не узнал Того, кто был распят...».....</i>	<i>41</i>
<i>«Икона Бориса и Глеба...».....</i>	<i>42</i>
<i>«И чёрным железом Иуда рассёк...».....</i>	<i>43</i>

У часовни Ксении Петербургской.....	44
«Жизнь покачнулась на весах...».....	45
«Ты, Урал, не в славе – в сраме...».....	46
Церквушка.....	47
Белогорье.....	48
Ещё не вечер.....	49
«Увы, враги не исчезают...».....	50
«Носились чайки над лицом...».....	51
Плачет женщина.....	52
«В неотвратимый день приходит осень...».....	53
Сад.....	54
Молодильные яблоки.....	55
Золотое кольцо.....	57
Колыбельная.....	58
«Солнце скатилось на запад...».....	59
«Ты свеча моей печали...».....	60
«Скоро горница светом наполнится...».....	61
«Дочка дом нарисовала...».....	62
Во поле среди цветов.....	63
«Хозяин луга одуванчик...».....	64
Молитва.....	65
Природа величава.....	66
«В моей глухой уральской келье...».....	67
«Конь-Пегас, явись передо мной...».....	68
«Ночное. Детский бег коня...».....	69
Полночная звезда.....	70
Древние глаголы.....	71
«Одна властительница степь...».....	72
«Моросит. На сердце сыро...».....	73

«Отцовскую шляпу надену...».....	74
«Да, мы подобье, Господи, Твоё...».....	75
На берегу.....	76
Двойник.....	77
«У лиственниц ржавеют иглы...».....	78
Пороховой запас.....	79
Сердце.....	80
Черёмуха.....	81
Свято-Введенский Толгский женский мона- стырь.....	82
Луч.....	84
«Не допели мою колыбельную...».....	85
Городская окраина.....	86
Знойный сельский выходной.....	87
«Я был один и ты одна...».....	88
«Поэту личная награда...».....	90
Взятие снежного городка.....	91
Острог.....	92
«Не таи вселенскую печаль...».....	93
«Есть красота в обыденности лета...».....	94
«О, женщины!..».....	95
Игра в жмурки.....	96
Река Чусовая.....	97
Мужик.....	98
Зареченская элегия.....	99
Декабрь.....	101
Царевна-лягушка.....	102
Стрекоза.....	103
Среди подсолнухов.....	104

«Не надеялись жить до весны...».....	105
«Ты помнишь, поле колосилось...».....	106
Гончарный круг.....	107
«Отчего стало сыро и голо...».....	108
«Деревенька мерцает во мгле...».....	109
Хвала гранёному стакану.....	110
«Гася огонь минувшей славы...».....	112
Дождь.....	113
«Сжимая в бубен полынью...».....	114
Рессоры.....	115
Диета.....	116
Таврида.....	119
«Иди и слушай тишину!»...».....	120
Ландыши.....	121
У моря.....	122
Парковые статуи.....	123
В тамбуре.....	124
«Мимо бати проезжаю...».....	125
Заводской пруд.....	126
«Пять часов утра. Темно...».....	127
Берёзы.....	128
«– Вот этот стих и Пушкин мог заметить!..».....	129
Иван Ваньков.....	130
«Стрела дождя прибила лист к земле...».....	131
«Всё дальше от тропы Господней...».....	132
Пожар Манежа 14 марта 2004 года.....	133
Вина.....	134
Народ.....	135
Возраст.....	136

В морозный день.....	137
Лесопилка.....	139
Облака.....	140
«Сердце радостно забилося...».....	141
«А на дворе апрель, а не февраль...».....	142
Срединная осень.....	143
Девушке, читающей в электричке Мишеля Уэльбека.....	144
«Облают тут же кабысдохи...».....	146
«Здравствуй, мама! Здравствуй, папа!..».....	147
«Ты зовёшь меня с собой...».....	148
Шестнадцатилетие дочки.....	149
На заимке.....	150
Парад.....	151
Просница.....	152
Луковая грядка.....	153
Небо, лес, река.....	154
Решётка.....	155
«В пустом лесу трезвонят коростели...».....	156
Пианино.....	157
Деревня.....	158
«Прут облака из-за бугра...».....	159
Передышка.....	160
«Первый на погосте снег...».....	161
Бабушка Анюта.....	162
«Старый мост унёс поток...».....	164
«Обронил перевозчик весло...».....	165
Гроза.....	167
Суббота.....	168

Цветник.....	169
«Взлетит журавлиная стая...».....	171
«Мы пили в Коктебеле и Москве...».....	172
Пермь.....	173
Русская парилка.....	175
Ода русским пельменям.....	176
Гром небесный.....	179
«Катерок бежит по Каме...».....	181
Муки лета.....	182
Удар молнии.....	183
Качели.....	184
«Свет сочится сквозь листву...».....	185
«Снег выдохнул сплошное слово – ЛЁД!..».....	186
Серафим Саровский.....	187
Зрелость.....	189
Крушение.....	190
Школьное фото.....	191
Последний поход.....	192
Вдова.....	193
Колчаковская деревня.....	194
«Вот детства моего граница...».....	195
«Воздушное оружие – пиканы...».....	196
Деревянная лошадка.....	197
«Уткнётся лошадь тёплыми губами...».....	198
Юрка.....	199
Танцплощадка детства.....	200
«Предел малой родины необозрим...».....	201
Земляки.....	202
Школьный музей.....	203

Молевой сплав.....	204
Экология.....	205
«В лесу уральском, словно князь...».....	206
На веранде.....	207
Катерок.....	208
Сырая ночь.....	209
Ровесник.....	210
Товарищу.....	211
Устал немного.....	212
Дербент.....	213
В гостях у Расула Гамзатова.....	214
Беседка Барятинского в Гунибе 1859 г.....	215
Прощание с Туркестаном.....	216
Азия.....	217
Уход из Азии.....	218
«Чужая речь у врат Стамбула...».....	220
«На турецком утёсе безмолвно стою...».....	221
Царьград.....	222
АКМ – 7,62-мм.....	223
Слово.....	224
«Едем Тавридой, устал экипаж...».....	225
На затопление русских офицеров.....	226
Господа офицеры.....	227
«Умирало над морем светило...».....	229
«Звенят под знаменем пророка...».....	230
Русское эхо.....	231
«По небу белый голубь пролетит...».....	232
В моём кабинете.....	233
«Любое слово невпопад...».....	234

«Гостиница, продутая насквозь...».....	235
«В этой деревне уныло...».....	236
«На берегу крутом стоишь...».....	237
«Захолустье – отрада души...».....	238
Вечерние воды.....	239
«А в полях уже вызрела рожь...».....	240
Предчувствие.....	241
Лубок.....	243
«Наймусь на лето пастухом...».....	244
Муха.....	245
Аргмак.....	246
Песня.....	247
«Ещё грибы в бору растут...».....	248
На погосте.....	249
«Река пустой баркас колышет...».....	250
«В бане умный и дурак...».....	251
«В избе есть печь, и есть огонь в печи...».....	252
Серебряная свадьба.....	253
Рождество.....	254
Река.....	255
Зазеркалье.....	256
Живот.....	257
Степь.....	258
Ты да я.....	259
Лето.....	260
Предгрозовые ласточки.....	261
«Говори со мной попроще...».....	262
Крымская татарка.....	263
Цветы.....	264

«Задела, как бы невзначай...».....	265
Одиночество.....	266
Плотик счастья.....	267
Разлука.....	268
Егерь.....	269
«Жизнь, как в ушко иголки вделась...».....	270
Старая фотография.....	271
Пашка.....	272
«Оставь докучный город, приезжай...».....	273
Облака.....	274
На пепелище.....	275
«Солнце мчится навстречу составу...».....	276
Любовь.....	277
«В башке тяжёлое похмелье...».....	278
«Опять напился, как скотина...».....	281
«А ты знаешь, я пить позабыл...».....	282
«Ах, давай, любимая, не будем...».....	283
«Мне стыдно и тяжело...».....	284
«Ты на груди моей проснёшься...».....	285
«Попрыгунья-олёнёнок...».....	286
«Свет падает в окно...».....	287
«Всё пройдёт, любимая, как прежде...».....	288
Постоянство.....	289
«В фуражке довоенного пошива...».....	290
И вспыхнет память.....	291
«Вы уже привыкли без меня...».....	293
«Ты мне когда-нибудь споешь...».....	294
«В неотвратимый день приходит осень...».....	295
Аэропорт Орли.....	296

Кладбище Монпарнас.....	297
Сена.....	298
Музей импрессионистов Д'Орсе.....	299
«Мне и в Париже одиноко...».....	300
Бильярд.....	301
«До свиданья, до встречи в Пекине...».....	303
Полёт.....	304
Поднебесная.....	305
Рисунок тушью.....	306
«Родимая, жёлтые расы...».....	307
«Из удалцов был удалец...».....	308
«Что держит нас на этом свете?...».....	309
«Когда смолкает шум дневной...».....	310
Строчка.....	311
Юбилейная Пушкинская медаль.....	312
Оса.....	313
Пророк.....	314
Памяти Гумилёва.....	315
«Поднебесная русская ширь...».....	316
«Со многими орлами был знаком...».....	317
Советское кино.....	318
Возвращение.....	319
Восход.....	320
Взлёт.....	321
«46 Тюленевых в округе...».....	322
Выбор.....	323
«Открываю тяжёлые книги...».....	324
Пока жива Россия.....	325
«А Россия косит, как косила...».....	326

Литературно-художественное издание

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич

НА ПРОСТОРЕ ВЕЛИКОМ СТОЮ
сборник избранных стихотворений

Выпускающий редактор

А. С. Зеленин

Дизайн и вёрстка

Л. Г. Пенягина

Формат 70х100 1/32

Пермская краевая общественная организация
«Пермский писатель»

Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.

Тел.: 8 (342) 212 43 28, 212 14 97.

E-mail: permsprossii@rambler.ru